

Двурогий. Попаданец к Александру Македонскому

Автор:

Юрий Корчевский

Двурогий. Попаданец к Александру Македонскому

Юрий Григорьевич Корчевский

Попаданчество

Продолжение приключений Алексея Терехина. На этот раз он оказывается заброшенным в 334 год до н. э., в эпоху правления царя Македонии Александра, прозванного противниками Зулькарнайн, или Искандер Двурогий. Выжить, будучи крестьянином, – не в стиле Алексея. Тем более идет набор наемников в армию Александра. Выдержал удачно отбор, прошел не одно сражение – и вновь рост по службе. Казалось бы, все складывается удачно. Однако кто может знать твою судьбу? Только боги!

Юрий Корчевский

Двурогий: попаданец к Александру Македонскому

© Корчевский Ю., текст, 2021

© ООО «Феникс», оформление, 2022

Глава 1

Греция

Москва – город многоликий. Деловой, суетный, промышленный, не спящий ни днем ни ночью. Молодежь в ночных клубах до полуночи, а то и до рассвета отрывается. Из многих областей съезжается учиться в столичных вузах. Вырвавшись из-под родительской опеки, пускается молодежь во все тяжкие. Только вышел Алексей из этого возраста. Всего двадцать семь, немного старше студентов, а повидал в жизни многое. Собственно, не одну жизнь прожил – если все годы сложить, что в другом времени провел, так на пенсию пора. Столько повидал, испытал, перенес, что на десятерых с лихвой хватит.

Жена, Наталья, шептунья по характеру и роду журналистской деятельности, да еще моложе Алексея на пару лет. Детство не перебродило, играет. Уже остепениться надо – замужняя дама, ребеночка пора родить. Отмахивалась: рано. Карьеру необходимо сделать, на ноги встать. Периодически по заданию редакции жена ездила в командировки. Собственно, в одной из таких командировок, едва не закончившейся трагически, Алексей с ней и познакомился. С гонором девушка была. Как же! Столичная штучка в провинцию приехала. Только вся шелуха слетела за несколько дней, когда в авиакатастрофу попали. Двое они только и выжили. А Наталья в руки беглых уголовников попала. Если б не Алексей, дело плохо кончилось бы. С тех пор осмотрительнее стала, поняла: судьба свыше знак дала. Кто услышал – привычки поменял, а то и образ жизни. Кто остался глух – погиб либо инвалидом стал.

Вот и Наталья после замужества в глухомань не рвалась, куда вертолетом не всегда добраться можно. В областные центры – легко, а в Питер и вовсе с удовольствием, поскольку культурная столица страны. Северная столица всегда отличалась от Москвы поведением жителей, культурой. Любимый город Петра спокойнее жил, размереннее. Да и посмотреть в Питере было на что, берегли питерцы старинный центр, свою историю. Не то что в Москве при Лужкове. Купеческие особняки порушили, настроили торговых центров. Таких в любом европейском городе полно. Только старые постройки особое очарование имеют, своеобразие городу придают. Глазу приятно, и туристы едут посмотреть.

Иной раз Алексей с Натальей выбирались в города Золотого кольца. После путешествия во времени с помощью артефакта Алексей интересоваться историей не на шутку стал. Старинные фолианты в читальных залах

штудировал, на дом книги брал. Некоторые так даже в первоисточниках читал, на греческом или итальянском. Своими глазами ведь видел, как Византия или Московия жила. Не такая уж Русь посконная была, в реальности поцивилизованнее Франции или Англии.

Однако иноземцы на русов свысока смотрели. Как же – народ в шкурах ходит, на ярмарках медведи пляшут. Считали дикарями и варварами. Попробовали бы в своих одеждах на тридцатиградусном морозе оказаться. Но завидовали стране. Земли обширные, богаты лесом, зверьем. Зарились на Русь, но всегда окорот получали, поскольку русов много и народ свободолюбив.

Когда Наталья уезжала по делам редакции, Алексей скучал, томился. Служба непыльная была, хоть и рисковая по нынешним временам – в отделе инкассации известного банка. Деньги приличные платили, да уныло, однообразно. Конечно, когда деньги есть, это хорошо. Они некоторую свободу выбора дают. Но не в деньгах счастье, это Алексей твердо знал. В его руках столько золота было, другим и не снилось. Но разве он от этого счастливее стал? Сквозь пальцы богатство утекло, только воспоминания остались. Цепи золотые, перстни, дома, жеребцы, оружие отменной выделки. Как дым рассеялись. Просыпался иной раз ночью с бьющимся сердцем. Не мог понять, приснилось ли, что на лихом коне с мечом в руке, ветер в лицо бьет, выдавливая из глаз слезы. И такое острое чувство охватывало, что в груди щемило. В теперешней жизни все не так. Все чинно и спокойно. Мужчины при галстуках, женщины брюки надели. Деньги делают, «капусту» рубят. А для драйва, чтобы пар выпустить, попусту рискуют. Подростки зацепингом занялись, люди постарше – дайвингом, горными лыжами. А в другие времена было куда адреналин выпустить с пользой для себя и страны. Если мужчина воин, умел за себя постоять, коли урон чести нанесли. Ныне же за пустяк кулаками помахать норовят. Самомнение и самолюбие завышенное. Временами Алексей думал: не в этом времени он родился. Ему бы лет так триста-четырееста назад появиться надо было. Да кто из нас выбирает время и место, где родиться?! А кому повезло на хлебном месте оказаться, полагают, бога за бороду ухватили. Глядь – а жизнь мимо прошла, профукал на понты, на развлечения.

Когда Наталья в командировках была, Алексей доставал из тайничка памятные и дорогие сердцу вещи: каменный артефакт, перстень от Остриса с бриллиантом, золотую фигу, тоже подарок от старого друга. Вещицы оглаживал, сразу в памяти всплывали события давно минувших дней. Но если раньше он остерегался тереть артефакт пальцами, то ныне тот поцарапан, выщербина от

ножа есть, затерт об одежду, так что рун почти не видно, не являет чудеса.

Наталья в Волгоград укатила, в командировку. Алексей только со службы пришел, поужинал в одиночестве. Ноги сами к тайнику понесли. Вещицы любовно оглядел, каждая о друзьях и событиях напоминает. Надел на палец перстень с бриллиантом, фигой золотой полюбовался, потом за артефакт взялся. То ли полнолуние сказалось, то ли звезды так встали... А только как потер легонько большим пальцем камень с рунами, так знакомый треск раздался, закружилась голова. Алексей так же, как и в предыдущие разы, не готов оказался. Ни оружия при себе, даже ножа захудалого, ни золота-серебра. А как был в спортивном костюме, так и оказался в другом времени. Ошибиться невозможно – никаких признаков цивилизации.

Многоэтажных домов не видно, и не слякотная Москва, а долина и горы. А еще жарко, солнце вовсю палит. И ни столбов с проводами, ни дорог не видно. Уже не удивился, как в первый раз, когда даже не понял, где он. Тогда, положила руку на сердце, струхнул немного. В своем мире все привычно было, отлажено: жена, квартира, работа. А здесь сызнова начинать, причем без всякой надежды на возвращение. Ни родни, ни подходящей специальности. Военное училище закончил, кроме как воевать, не умеет ничего. А кому он нужен со своими знаниями, если ни танков нет, ни пушек, ни радиостанций? Но сейчас уже опыт был, как выжить, а главное – навыки воина и командира. Мог мечом работать, копьем, отлично держался в седле. Мог командовать сотней или легионом. А еще греческий знал и латынь.

Похожа местность на Южную Европу в современном понимании – Греция, Италия, Болгария, даже Испания. Не беда, у первого встречного выяснит. Только одежда у него несоответствующая. Артефакт явно забросил его не в свое время, но куда? Сидя на одном месте ничего не узнаешь. Он пошел в сторону от холмов. Тут если и встретишь кого, так пастуха овец. А в долине населенные пункты быть должны. Вышел к грунтовой дороге, прошел немного, когда услышал скрип колес. Из-за поворота навстречу ему показался ослик с повозкой. Ослика под уздцы пожилой мужчина ведет. Одевание явно греческое, Алексей ошибиться не мог и даже время приблизительно предположил – самое начало нашей эры. Сблизились. Мужчина приложил ладонь ко лбу, всматриваясь, силясь опознать, кто навстречу идет. Видимо, подслеповат был.

Алексей приблизился, приложил руку к сердцу, сделал легкий поклон. Приветствие универсальное у многих народов. Он ждал, когда абориген

заговорит первым, чтобы услышать язык. Предположения его подтвердились.

– Кто ты? Я не узнаю. Неужели Кифос из Коринфа? Но на тебе варварское одеяние.

Это точно. На мужчине короткая туника и сандалии. Алексей же был в спортивном костюме. В Греции, Риме, Византии – древних, разумеется, – мужчины штанов не носили, в них облачались варвары, те же галлы или персы.

– Я вынужден был долго путешествовать в чужих краях, не по своей воле. И вот вернулся на родную землю, – объяснил Алексей.

– Да, по-гречески ты говоришь чисто, у варваров всегда есть акцент. Где же твой родной дом?

– В Афинах.

– Хвала всем богам, ты не спартанец.

Афины привлекали лучших мастеров – зодчих, художников, скульпторов – и постепенно начали возвышаться над остальными городами-государствами. Воинственной Спарте это не понравилось, завязалась тридцатилетняя Пелопоннесская война. Алексею хотелось узнать, в какое время он попал.

– Разве война со Спартой не закончилась?

– Давно, но спартанцы не хотят давать своих воинов Александру. Это их вечное зазнайство – думают, они лучше всех.

– Это какому Александру? – Алексей сделал вид, что не в курсе и удивлен.

– Сыну Филиппа, из Македонии.

Вот, теперь он определился во времени. Четвертый век до новой эры. Далеко в глубь веков его забросило. Спасибо, что не в Африку или к индейцам в Америку, запросто могли съесть белого человека. Каннибализм еще процветал.

- Ты голоден, путешественник?

- Поесть бы фиников или выпить вина не отказался.

- Узнаю истинного грека! Финики и вино – что может быть лучше? Идем со мной, мой дом недалеко.

Деревушка была маленькой, пять каменных домов. Аякс, как звали грека, завел ослика во двор, Алексей помог распрячь. Хозяин кивнул довольно:

- На работу ты скор. Каким ремеслом на лепешку зарабатываешь?

- Воин я.

- О! Тогда тебе не место в деревне. Слышал я, когда в городе был, что македоняне греков в свое войско набирают, платят серебром. Александру воины нужны. По всем городам греческим его воины стоят.

- Да? И где же этот город?

- Недалеко, полчаса пешком. Ты правда воин?

- Зачем мне лгать?

- Где же оружие твое? Или я настолько слеп, что уже не вижу меча или кирасы?

- Не видишь, потому что нет. В плену у персов был.

- Благодарю богов, что смог вырваться. Царь персов Дарий[1 - Дарий в переводе с фарси – «Добронравный».] в большую силу вошел, армия огромная, всю Малую Азию занял. Фригия, Кария – все под ним. Говорят, у него огромные животные есть, с погонщиками на спине и о двух хвостах. Думаю, выдумка.

- Есть, сам видел. Элефранты это, слоны боевые. И коня растопчут, и всадника. Только хвост у них один, сзади, где ему и положено быть. А спереди хобот и два бивня, как рога у быка, только большие.

– Что только в мире не встречается. Идем в дом, подкрепимся.

Хозяин усадил Алексея на лавку, выложил на стол лепешки, козий сыр, сушеный виноград, оливки, финики. И как апофеоз – кувшин вина. Сам разлил по кружкам.

– За всех богов, чтобы не отвернулись, – сказал хозяин тост, пригубил разбавленного вина.

Греки, как и римляне, пили вино, наполовину разбавленное водой. Вино цельное пили варвары. Алексей отдал должное лепешке с сыром, финикам. А вино отхлебывал, закусывая оливками. Пища простая, все с подворья хозяина.

– Спасибо, добрый хозяин, – поблагодарил Алексей.

– Вечер скоро. Переночуй у меня, а с утра в дорогу, – предложил тот.

– Ты очень добр ко мне, – поклонился Алексей.

Стемнело быстро, как обычно бывает в горах и предгорьях. Как только солнце опустилось за горы, как будто свет выключили. Темно сделалось. А на небе крупные, яркие звезды, какие только на юге бывают. Хозяин масляный светильник зажег от уголька, тлеющего среди других в глиняном горшке.

– Нечего масло зря жечь. Твое место на лежанке в углу.

Алексей улегся. Хозяин уснул первым, захрапел. Алексей долго вертелся на жестком ложе. Какое испытание приготовила судьба ему на этот раз? И что предпринять? Наняться воином к македонянам или уйти в Спарту? Если Александр собирает войско, то вскорости должен уйти. Кормить и содержать войско просто так – дорогая затея. Войско собирают для похода и войны. Но куда двинется Александр? На север, на мятежных фракийцев и иллирийцев, или на восток, на Дария? Знай Алексей точно год, куда попал, быстрее определился бы. Да и знает ли хозяин год? Оно и не нужно селянину. И так сказал достаточно.

Утром хозяин угостил его финиками и подчерствевшей лепешкой. Запивали разведенным вином. Алексей отважился попросить у Аякса тунику. Пусть старую,

грязную и рваную. В своем спортивном костюме, хоть в нем и удобно было, он выглядел варваром. К такому и отношение соответствующее.

– Ну что же, поищу.

Аякс вернулся с туникой, многожды застиранной, имевшей неопределенный цвет, близкий к серому оттенку.

– Не взыщи.

– Благодарю тебя. Если случится разбогатеть, клянусь всеми богами вернуть тебе новую.

Старик лишь ухмыльнулся в бороду. Греки носили растительность на лице, бритье лица начали уже значительно позже. А в македонской армии Александр как царь и полководец уже в это время приказал воинам сбрить бороды, дабы противник не мог ухватиться за них. Алексей переоделся. Просить еще и сандалии постеснялся. К тому же ему предстоял пеший переход, а в кроссовках делать это удобнее. Поклонился старику. Тот был добр к нему, отблагодарить же было нечем. А спина от поклона не отвалится.

– В какой стороне ближайший город?

– Иди по дороге, но не туда, где ты мне встретился. Там виноградники и деревни.

И Алексей отправился в путь. Солнце еще не взошло высоко, было тепло, но не жарко. До полудня прошагал километров двадцать. Дорога постепенно становилась шире, на ней все чаще встречались повозки, прохожие. Чувствовалась близость города. И вот, взойдя на небольшой холм, Алексей увидел город. Остановился, разглядывая. До городской окраины метров пятьсот. Видны портики храмов, здания, люди. Он спросил у мужчины, идущего из города:

– Как называется город?

– Заблудился? Фивы.

– Благодарю.

Насколько он помнил карту Греции, Афины были южнее. Да какая разница? Старик Аякс говорил, что во всех городах стоят македонские гарнизоны. Если Алексей думает податься в наемники, то все равно, в каком городе. Кроме как воевать, он ничего не умел. Зато в своем деле дока был, владел всеми видами оружия, от меча до Калашникова. Профессия востребованная. Сколько существует человечество, столько лет воюет и будет продолжать. Как говорил Лавров, «пока говорят пушки, дипломаты молчат». Кроме того, Алексей принадлежал к тому типу людей, которым нужен адреналин, стресс. Да не пустой выброс гормона, как при занятиях горными лыжами или парашютных прыжках. Риска хотелось смертельного. Или ты – или тебя. А победа влекла за собой трофеи, карьеру, богатство, положение в обществе, статус. Сказать, чтобы он богатство любил, – так нет. Деньги давали свободу выбора и независимость, но относился он к ним спокойно. Есть деньги – хорошо, а нет – заработаем, на меч возьмем. И к власти не сильно рвался. В двадцать первом веке к власти рвутся и приходят не самые лучшие люди, тщеславие свое потешить, карман набить. Он – военный, и для него быть командиром – значит лучше других выполнять в бою поставленную задачу. Врага разбить, потеряв как можно меньше своих воинов, трофеи взять. Воин за скромное жалование воевать не будет. Надеется взять на меч богатую добычу. Правителю доставались слава и земли, это самое ценное. А воинам – золото, ковры, женщины. Но воистину богат тот, кто владеет землей. Она и с голоду помереть не даст, взрастив урожай, и обогатит.

У самого входа через городские ворота – почти столпотворение. Сборщики податей высматривали, не хочет ли кто товар пронести без мзды? Люди без товара проходили свободно. В Фивах Алексей никогда не был. Прямые улицы, коробки домов. Дома богатых окружены садами, на входе портик и пара слуг. Гостю помочь, нежелательного прохожего, вроде попрошайки, подальше отогнать. А дома простолюдинов – из камня, никаких украшательств, за исключением фигурок богов из пантеона.

На небольшой площади собрался народ, Алексей подошел. Внутри кольца зрителей кулачный бой. Два бойца атлетического сложения в одних набедренных повязках осыпали друг друга ударами. Кисти рук и пальцы перевязаны холщовыми лентами на манер боксерских перчаток. Стойка, как у нынешних боксеров, – одна нога вперед. Молотят без затей – по лицу, по груди. Ни одного удара в живот Алексей не заметил. Хуков в челюсть тоже не видел.

Просто, незатейливо. Но зрители довольны, вопят, поддерживая своего.

– Копидеус, дай ему, дай!

– Эйсон, врежь ему в глаз!

Алексей потолкался немного, посмотрел. Учиться тут нечему. Прошелся по городу, наткнулся на гарнизон. Располагался он на окраине, за стенами. У ворот двое часовых. Облачение интересное – Алексей прежде такого не видел. Спереди и сзади по четыре латунных нагрудника, связанные кольцами из того же металла. По бокам воина охватывают кожаные ремешки. Щит круглый, небольшой, медью отливает. В ножнах мечи прямые, короткие. Такие же римляне использовали. Наверное, у греков позаимствовали, поскольку Рим в силу войдет через два века, подомнет под себя и Грецию, и Македонию, и Малую Азию с Египтом и Кавказом. Лица у воинов бородатые, носы прямые, с легкой горбинкой. Похоже, греки. Хотя, как выглядят македоняне, Алексей не знал.

Он подошел, поздоровался:

– День добрый, и да помогут вам боги!

И один из солдат ответил на греческом. Македоняне говорили на дорийском диалекте греческого языка, относящемся к группе тохарских. Разница между греческим и македонским была примерно как между русским и белорусским. Понять можно, если не говорить быстро. Естественно, оба языка древние, от современного греческого отличаются, а нынешние македонцы говорят и вовсе на другом наречии.

Древний язык забыли уже в четвертом веке нашей эры. Немало тому поспособствовала Римская империя: все делопроизводство, военные команды отдавались только на латыни. Потом и латынь трансформировалась в итальянский. Алексей, хоть и не ученый и не полиглот, это знал. Поскольку владел греческим и латынью, успел послужить Византии, осколку Римской империи, тоже канувшей в Лету. Только и осталась от некогда могущественного государства разве что православная вера, перенятая Русью.

Алексей обрадовался. Мало того, что можно пообщаться. Если гоплит – грек, стало быть, наемник.

– Что хочешь, земляк?

– В наемники вступить.

– Ты? – удивился воин.

Грек был хорошо сложен, да еще объемности придавала защита на грудной клетке. Рядом с ним Алексей не выглядел серьезно. Но сам он себе цену знал. Мало иметь мышцы, надо еще уметь ими пользоваться. Алексей с виду суховат, жилист, со стороны уступал воину.

– Я.

Воин хмыкнул, но не его дело было в гоплиты набирать.

– Иди в лагерь, найди Никоса в правом дальнем углу. Он ведает наемниками из греков. По левой стороне македоняне, туда не ходи.

– Почему?

– У них свои командиры, оружие, выучка. В их войске только македоняне, ты языка их не знаешь. Как команды выполнять будешь?

В том, что говорил воин, была своя правда. Алексей ни разу не слышал, как звучит македонская речь. Так любому языку научиться можно – он же осилил латынь, а затем и греческий.

Алексей кивнул воину и уже сделал пару шагов к воротам, но остановился.

– А скажи, земляк, Рим не досаждают?

Оба гоплита рассмеялись.

– Рим? Не смехи. Латиняне не то что Македонию, ни один наш город взять не могли. Сами Александра боятся.

Греческие города представляли в эти времена самостоятельные города-государства. И объединял их только общий язык. В каждом городе свои порядки, правители, деньги, законы. Зачастую города-государства становились на время союзниками в борьбе с общим врагом, а потом могли воевать друг против друга. Но если этолийцы из Андижана могли иметь связи с беотийцами из Фив или аркадийцами из Коринфа, то все дружно недолюбливали спартанцев: заносчивы сверх меры, себя выше других ставят и жестоки. Не самые лучшие черты. И вели себя спартанцы независимо.

Алексею высказывание воинов о Риме, полное пренебрежения, не понравилось. Это потому, что не знали ближайшего будущего. После блистательных походов и побед Александр скончается скоропостижно, предположительно от отравления ядом. Военачальники его станут делить взятые на меч провинции. Как водится, передерутся. Слава и мощь Македонии померкнет, уйдет, как песок сквозь пальцы. Набравший силу Рим завоюет окрестные страны. И Греция с заносчивой Спартой, и Македония с провинциями вроде Персии или Египта станут частью Римской империи, причем на долгие века. Македонской же империи Александра в ее блистательном виде существовать недолго осталось.

Но все эти размышления Алексей держал при себе. Угрозило попасть в это время и это место, значит, приспособливаться надо. Кроме того, интересно было поглядеть на Александра Великого, каким он остался в истории народов, повоевать под его рукой, самому убедиться в полководческом гении македонца.

Греческие воины, служившие Македонии, подразделялись на две группы. Одна – союзная пехота, выставлявшаяся городами. Для похода Александра полисы выставили семь тысяч воинов. Каждый город, в зависимости от численности жителей, – по одному лоху из 400–800 воинов-гоплитов. Лохи объединялись в филы численностью от двух до четырех тысяч со стратегом во главе.

Воины имели меч, копье два с половиной – три метра длиной, кирасу из меди или линоторакс, бронзовый шлем и большой щит – гоплон. Ввиду ненадежности в боях почти не участвовали и использовались в качестве гарнизонов в захваченных городах.

Греческие наемники пользовались у македонян уважением, потому как состояли из профессионалов, живущих копьем и мечом. Разделялись на лохи по пятьсот двенадцать человек, общая численность достигала девяти тысяч. В боях составляли вторую линию македонского войска, большинство наемников было из

Пелопоннеса, те панцири не носили. Греки продовольствием не снабжались, даже сухим пайком. Каждому воину выдавалось на питание ежедневно по две драхмы, одна – для воина, вторая – для его раба, который в пеших переходах нес тяжелый щит. Кроме гоплитов, воинов тяжеловооруженных, была еще легкая пехота – лучники, пращники, метатели дротиков. Они шли впереди фаланги. Завязывали бой, а при сближении с неприятельским войском отходили в тыл между рядами гоплитов.

Основным боевым построением как греческого, так и македонского войска была фаланга. Обычно в восемь шеренг в глубину. Дистанция между шеренгами на ходу – два метра, при атаке – метр, а при отражении нападения – немного больше локтя. При численности фаланги в восемь тысяч воинов ширина по фронту достигала километра. Поэтому фаланга имела недостатки: не могла действовать по пересеченной местности, не могла преследовать бегущего противника. Убегающие враги, спасая жизни, бросали самое тяжелое – щиты, бежали налегке. И фаланги были уязвимы с флангов, особенно первые шеренги. Здесь ставили самых сильных и опытных воинов. Правый фланг был обычно сильнее левого.

В македонской армии главной ударной силой, в отличие от греческой, была конница. И ядром ее были гетайры – тяжеловооруженные всадники из представителей знати. Всего их было тысяча восемьсот человек, подразделенных на восемь ил. Назывались илы по имени командира – илиарха. Боевой строй – клин. Располагались перед боем на правом крыле армии. Самая крайняя справа была царская, имела двойную численность, четыреста гетайров, и возглавлял ее сам Александр. Его ила состояла из телохранителей. Гетайры носили золотистые плащи с широкой пурпурной каймой по краю, которые назывались хламидами. В бою пользовались кавалерийским копьем, имевшим наконечники с обеих сторон древка, коротким мечом, имели медную кирасу, беотийский шлем.

Македонская пехота делилась на более мелкие подразделения – таксисы, по полторы-две тысячи воинов. В отличие от греков, копья имели длинные, называемые сариса. В бою держали их в метре-полтора от тупого конца, сами наконечники выступали впереди фаланги. Для уравнивания копья имели свинцовый груз у пяты копья. Также имелись лучники – три отряда по пятьсот воинов, особенно славились меткостью критские лучники. Их легко можно было отличить по маленькому бронзовому щиту на локте левой руки, хотя такой щит отблескивал на солнце, выдавал противнику позицию стрелков. Однако это

обстоятельство критских лучников не смущало, наоборот, им гордились. «Пусть видят и боятся», – говорили они.

В Фивах набирали целый лох наемников. Конечно, не из одного города. Приходили желающие из окрестных деревень, из других городов. Принимали далеко не всех, отсеивали большую часть, проводя своеобразные испытания. Несколько опытных воинов, тела которых украшали шрамы, проводили условные бои деревянными палками вместо мечей. Аналогия с прямыми греческими мечами почти полная – по длине, весу, – поскольку палки брались из твердых пород дерева. Они служили долго, не разлетались в щепы после пары ударов, как береза. Македонцы пользовались другими, называемыми фалькатой. Этот меч был изогнут, но не как сабля, а вогнут и имел уширение клинка у конца. Алексей таким не воевал, но знал из истории, что точно такими пользовались карфагенские воины и Ганнибал Барка.

На Алексея посмотрели без особого пиетета. На теле шрамов от предыдущих боев не видно, сам грудой мышц не поражает. Но испытать должны были, даже если бы он был слеп на один глаз и хромоног. Таковы были правила. Каждый имел равные возможности.

Против Алексея выставили рослого воина лет тридцати. Густая борода частично скрывала длинный шрам на лице, из-за чего лицо выглядело асимметричным.

Грек повертел в руке палку.

– Ты готов драться?

– Готов.

Воин напал быстро, без подготовки, без устрашающих криков, что часто делали для психологического давления на противника. Алексей нападения ожидал, но воин был чертовски быстр. Алексей едва успевал отбивать его деревянный меч. Удары были точны и сильны, даже пришлось отступить на пару шагов. Деревянные палки сталкивались с сильным глухим стуком. Зрелище привлекло внимание праздных зевак и воинов. Алексей защищался, пытался определить слабое место. Грек работал палкой неумолимо, но Алексей уязвимое место нашел. Когда воин в полном боевом облачении, его левый бок прикрыт щитом. Сейчас воин обнажен по пояс, но многолетняя выучка, перешедшая в привычку,

осталась. Грек плохо защищал свою левую половину. А еще далеко выдвигал вперед правую ногу для устойчивости. Правил Алексей не знал. Можно ли было бить по ногам? Или, как в классической греческой борьбе, использовать только руки и ниже пояса не бить? Решил пока не бить. В реальном бою он использовал бы любую возможность, чтобы ранить врага. Два-три ранения в ноги или руки приведут к кровотечению. Противник ослабеет, думать будет лишь о том, как бы уцелеть, и тогда станет делать непростительные ошибки.

После очередного удара грека зрители, стоявшие вокруг уже плотным кольцом, стали кричать:

– Стракис! Да что ты возишься с ним? Врежь по ребрам!

Но грек уже понял быстрее остальных, что Алексей не такой легкий противник, каким кажется. Все удары грека не достигали цели. Палка налетала на палку. Алексей же подловил момент, после очередного удара грека отвел удар, сделал выпад вперед и концом палки сильно ткнул противника в солнечное сплетение. Грек на секунду замер, открытым ртом попытался втянуть воздух, выронил палку, согнулся от боли. Алексей нанес тычок так резко, что из зрителей его заметил только один. Но это был лохаг Фотис. Он-то знал толк во владении оружием. Даже если бы Алексей проиграл, он все равно взял бы его в свой лох, потому что долго продержаться в вечном бою против Стракиса мало кто мог. А этот сухощавый не только достойно держался, но и сам нанес удар. В реальном бою Стракис был бы убит. Такого сильного колющего удара кираса не выдержит. Алексей противника не добивал, хотя имел право. Опустив палку, стоял. Дышал учащенно, лоб покрылся каплями пота. Но тренированный Стракис был весь блестящим от пота.

– Хм, подойди ко мне, – сказал Фотис и сделал шаг из круга. Как твое имя?

– Алекс. Алекс из Олимпии.

Не мог же он сказать, что из Фив, если его здесь никто не видел и не знает.

– Ты хороший боец, Алекс. Где служил раньше, кто был твоим начальником и почему я раньше о тебе не слышал?

– Это долгая история.

– Я не тороплюсь. Пойдем выпьем вина, и ты мне поведаешь. Чтобы не волновался, сразу скажу: мы тебя берем. Такими умельцами не разбрасываются, поверь мне.

Временным обиталищем Фотиса был небольшой и простой, без украшений, дом. Временным – потому что после полного укомплектования лох должен был выступить в сторону порубежья с Персией и соединиться с армией царя Александра.

На столе их ожидало нехитрое угощение: оливки, финики, свежая лепешка и кувшин с вином. Фотис разлил вино по кружкам.

– Выпьем за знакомство, Алекс.

Чокаться не было принято. Алексей сделал пару глотков, вернул кружку на стол, заметив одобрение в глазах Фотиса.

– Ты умелый боец, Алекс. Ты воздержан в питии. И ты меня удивляешь. Воины обычно грубы, любят поесть, выпить, потискать женщин. Ты был гоплитом?

– Не всегда.

Пока они шли к дому лохага, Алексей уже успел продумать версию.

– Давно, лет шесть назад, я попал к карфагенянам, – начал Алексей.

– Знаю, они хорошие мореходы, но они далеко, за морем. Разве они хорошие воины?

– Они сильны пехотой и конницей. Я был и пехотинцем, и всадником.

– Вот как?

– Я видел у тебя в ножнах прямой меч, Фотис. Это греческий, с таким сражались наши предки.

Фотис, внимательно слушавший, кивнул головой.

- Воины Карфагена сражаются мечом, прозываемым фалькатой.

- В войске Александра у пехоты такое же оружие, - кивнул Фотис.

- Наверное, за таким мечом будущее. Но карфагеняне делают ставку на конницу. Она легко проходит большие расстояния даже по пустыне, появляется внезапно, когда противник ее не ждет. И кроме того, один тяжеловооруженный всадник в бою стоит трех-четырех гоплитов.

- Ты рассуждаешь как царь Александр, да помогут ему боги!

- Искусство воевать и побеждать не стоит на месте, - философски заметил Алексей.

- Ты не прав! Против силы никакое умение не поможет.

- У Греции было много отважных воинов, но теперь она всего-навсего союзница Александра. Он взял верх, имея меньшую армию. Разве не так?

Фотис скривился. Он был профессиональный воин, наемник. Кто платил звонкой монетой, тому и служил. Но служил честно, в бою не трусил, не обращался в бегство. При этом был греком до мозга костей, и последние слова Алексея ему не понравились.

- Отставим этот бесплодный разговор. Сделаем еще по глотку и отдадим должное яствам.

Сделали по глотку разбавленного вина, хотя Алексей выпил бы цельного. Принялись за финики и оливки.

- До каких же вершин ты дослужился? - поинтересовался Фотис.

Не говорить же ему, что был в Византии трибуном, командовал хилиархией, лишь немного уступающей по численности армии Александра Великого, с которой он вторгся в Персию и дал бой царю Дарию III?

– Командовал конным отрядом из пяти десятков, – поскромничал Алексей.

– Я так и подумал. Ты просто не мог быть рядовым гоплитом или всадником. Но у нас в лохе конницы нет. Для начала будешь гоплитом. Но это до первого боя. Будут потери, боев без потерь не бывает. Если проявишь себя, быть тебе командиром дюжины.

В греческой армии, как в дальнейшем в Римской империи или Византии, а по их примеру и в армии Чингисхана, десятичной системы не знали.

Двенадцать, двадцать четыре, сорок восемь человек были в порядке вещей.

– На довольствие поставлю только с завтрашнего дня, – предупредил Фотис. – Служба исчисляется за полные сутки. Служить будешь под началом Стракиса, с кем ты проводил учебный бой. Получишь оружие, щит, кирасу, подгонишь под себя, познакомишься с рабом.

– Слушаюсь и повинуюсь, – кивнул Алексей.

– Понахватался в чужих землях нелепых привычек, – буркнул Фотис.

Карфагену завидовали и побаивались. На тот момент не было государства сильнее и богаче. Только в одном городе проживало около семисот тысяч человек. Карфаген подчинил себе Южную Испанию, Северную Африку, Сицилию, Сардинию, Корсику. Имел две гавани, военную и торговую, современный и большой флот. Богатство прирастало торговлей. А где деньги, там всегда найдутся желающие позариться, отобрать. Но кроме сильного флота Карфаген имел мощную армию.

Большая ее часть – войска наемные. Греческая, испанская, африканская пехоты. Причем брали лучших, ибо было чем платить. В военной кавалерии – нумидийцы и иберийцы. А еще балеарские пращники, считавшиеся непревзойденными. Кроме легкой кавалерии нумидийцев была кавалерия тяжелая – испанская, наемная, и своя – из аристократии. Наемники – галлы – представляли тяжелую пехоту. Имели щиты, шлемы, но не носили кирас, вооружены были длинными мечами, сейчас бы их назвали полуторными. Кроме воинов Карфаген имел триста боевых слонов с погонщиками, а также катапульты и баллисты. Пока Рим

не набрал силу, он постоянно терпел поражения, Карфаген процветал почти семьсот лет и пал в 146 году до н. э., после походов Ганнибала Барка, да и то вслед за подлым убийством брата Ганнибала – Гасдрубала, возглавлявшего подкрепление.

Поэтому Фотис не удивился, услышав, что Алексей служил Карфагену. Странно лишь для него было, что ушел. Карфаген платил воинам хорошо, в последнее время войн не было, чего не продолжить службу? Но Фотис с расспросами не лез. Мало ли причин может быть у человека, вернувшегося на родную землю?

Стракиса Алексей нашел быстро. Он опасался, что грек затаил на него обиду, но грек широко улыбнулся, приобнял.

– Ты умелый и смелый боец. Кажется, тебя Алексом звать?

– Ты правильно расслышал.

– Мы теперь будем воевать вместе, и наша задача – помогать друг другу.

– Согласен.

– Тогда подберем тебе оружие, защиту.

Стракис подвел Алекса к дому без окон. Как позже понял Алексей, к складу оружия.

– Щиты у нас одинаковые, поэтому выбора не будет, – поднял щит Стракис.

Алексей отнес щит к порогу двери.

– А вот шлем примерить надо, чтобы не болтался и не был тесен. Все же он бронзовый, а не из кожи, не растянешь.

И сам захохотал над своей шуткой. Выбор шлемов был велик. Здесь лежали шлемы халкидские, беотийские, фрикийские. Различались они размерами,

материалом (медь или бронза). Пришлось мерить, на что было потрачено не менее получаса. Потом пришел черед кирасы. Но с этим было проще. Боковыми ремнями, что связывали пластины бронзы на груди и спине, можно было подогнать по любой фигуре. Алексей не прошел мимо наручей и поножей. Цену защите он знал. Стоит в бою получить ранение, изойдешь кровью, не имея возможности сразу перевязать рану или наложить жгут. Копье, стандартную сарису, подобрал покороче, в два с половиной метра длиной, или пять локтей. Меч носили в ножнах, на перевязи плеча, а не на поясном ремне. Алексей при выборе меча заколебался. Выбор был невелик: короткий греческий, в 60 сантиметров длиной, прямой, или македонская фальката – меч изогнутый, с расширенным листовидным концом. Опыта боев с таким мечом Алексей не имел. Полагал, фальката – оружие больше режущее, чем колющее или рубящее. И выбрал меч греческий, правда, не первый попавшийся – подбирал по балансу, прикладистости рукояти, качеству клинка.

– Вот этот возьму! – закончил он выбор.

Стракис, молчаливо наблюдавший за его выбором, кивнул:

– Ты выбрал лучший меч из тех, что были.

У римлян и византийцев были такие же прямые и короткие мечи. Действовать ими при построении в шеренги удобно. И опыт у Алексея был богатый – начинал-то он с простого гоплита.

Алексей подошел к отобранной гряде железа и бронзы. Хотел поднять, но Стракис остановил:

– А рабы на что? Негоже воину уподобляться простому носильщику, получающему три обола в день.

Стракис перешагнул порог.

– Эй, ты! Живо сюда! – крикнул он рабу.

Молодой мужчина, обличьем явно не грек, поскольку белокож был и волосы имел прямые, темно-русые, подбежал и склонился в поклоне.

- Отнесешь все это в мой шатер. Как твое имя?

- Крис из Галлии.

- Хм, так ты галл? Тебя пленили в бою?

- Так, господин.

- Кто твой хозяин?

- Я не знаю, работаю здесь на уборке.

- С сего дня твоим хозяином будет Алекс. Запомни своего господина.

Крис метнул взгляд на Алекса, поклонился. Стракис не спеша направился к одной из палаток. Каменных зданий в воинском лагере было мало: в основном для лохага, склада оружия, да еще какие-то хозяйственные постройки.

Принимали пищу и спали в палатках с поднятым пологом, получалось вроде шатра. Ветерок с холмов продувал его насквозь. И не жарко, и мух не было.

В палатке Стракис подошел к грубо сколоченному столу. За ним лежала кипа какого-то тряпья. Покопавшись, вытащил тунику, а из угла – пару сандалий.

- Переоденься, а то выглядишь как варвар. Еще примут за раба.

Принять свободного мужа за раба – это уже оскорбление. Пришлось Алексею снять свою одежду и кроссовки. Стракис заметил висящие на цепочке на шее Алексея крестик православный и маленький кожаный мешочек с артефактом.

- Это у тебя что?

- Амулеты от сглаза и для победы в бою, – не моргнув глазом, ответил Алексей.

До христианства было еще далеко. Стракис не мог знать, что обозначает крест. В дальнейшем Греция стала одним из оплотов христианства, а сейчас поклонялась множеству богов, главным из которых был Зевс, что восседал на

Олимпе. Кроме него был еще целый сонм богов, рангом поменьше, начиная с Аполлона, сына Зевса и брата Артемиды, и кончая Деймосом, богом ужаса. А в промежутке были и Арес – бог войны, и Афина – богиня мудрости, наук и ремесел, и Дионис – бог виноделия и празднеств, и Аид – бог царства мертвых и подземного мира, и Фемида – богиня правосудия. Множество. Каждому богу воздвигали свои храмы, были свои жрецы. Но кроме богов были еще причисленные к богам, как Геракл, совершивший двенадцать подвигов.

– А, – кивнул Стракис. – Я уже подумал, не принял ли ты в Карфагене ханаанскую религию.

– Чем же она плоха?

– Как, ты не знаешь?

От возмущения Стракис вскочил.

– Карфагеняне приносят своим божествам Баал-Хаммону и Таниту в жертвы своих детей. Режут им глотки на жертвенном камне.

– Пусть поразят их Немезида и Посейдон, – воскликнул Алексей, – а Гера наслет молнии, тучи и гром на Карфаген! Я думал, это наговор. Но я служил среди греков, не знал.

– Это тебе урок. Карфагеняне хорошо платят, это всем известно, но они хуже Харона.

Немезида была богиней возмездия, Посейдон – богом морей, а Харон перевозил души умерших людей через реку Стикс в подземном мире.

Алексей понял, что о службе Карфагену лучше помалкивать. Раб притащил в палатку щит, шлем и поножи, убежал за копьем и мечом.

– Порядок такой, – стал наставлять новобранца Стракис. – После подъема по сигналу барабана быстро приводишь себя в порядок, потом построение и перекличка. Получаешь у меня деньги на еду. Где ешь, что берешь для себя и раба – мне все равно. Затем воинские упражнения до обеда. А после него

свободен. Можешь точить меч, надраивать шлем или гулять по городу. Скажу сразу: с нашими деньгами в Фивах делать нечего. Поглазел – и назад.

– Понял. Почти как в любой армии.

– Учти, раб в походе несет твой щит, хочешь – хоть всю поклажу на него нагрузи. Но содержать оружие в порядке – точить, чистить – должен ты. Лохаг проверяет часто, и за небрежение можешь отведать розг.

– Учту.

– Интересно мне, зачем ты выбрал коринфский шлем?

Алексей-то знал зачем. Коринфский имел спереди забрало и отверстия для глаз и рта. Вне боя его сдвигали на затылок. В мечном бою очень часто скользящим ударом повреждался или отсекался нос как самая выдающаяся часть лица. Алексею не хотелось остаться без носа. У большей части гоплитов, как уже заметил Алексей, были шлемы халкидские, оставляющие открытыми лицо и уши. Они были легче, но защищали слабее.

– Мне привычнее.

Приврал, конечно. На его взгляд, лучшим шлемом этой поры был римский, с нащечниками. А коринфский больше походил на шлем, применяемый гладиаторами – триариями.

– В лагере мы будем недолго. Как наберем полный лох, двинемся к Македонии. По крайней мере, так Фотис говорит.

– А много ли еще воинов осталось набрать?

– Десятков пять. Желających много – всё же звонкой монетой платят, а еще надежда на богатые трофеи. Да опытных, вроде тебя, мало. Меч в руках держать – еще не все умение. А впрочем, завтра сам увидишь.

– А где рабы обитают?

- В отдельной палатке, у нужника. Если будет твой раб... э... Крис, отлынивать от дел, можешь его крепко побить. Но калечить или убивать не стоит. Скажешь мне, и его заменят другим.

- А этого куда?

- Мало ли мест? Навоз за скотом убирать или в каменоломни. Для строительства камень всегда нужен. Только там условия тяжелейшие, долго там никто не живет. А каждому из рабов домой вернуться хочется.

- Разве это возможно?

- Если сможет весточку родне передать да они деньги для выкупа соберут.

- Бывает?

- Не часто, но такие случаи знаю. А что ты рабами заинтересовался?

- Представь - пленного в бою возьму?

- Не твоя забота его судьба, а стратега. Ты трофеем деньги или ценности можешь взять либо другое что. По опыту скажу: что в мешок поместится. В походе раб тяжелое несет - щит, шлем. На чужих землях лучше оружие и защиту самому нести, дабы при внезапном нападении в живых остаться. А раб мешок с трофеями нести будет. Если захочешь, можешь после похода ему денег дать для выкупа либо семье. Ты женат?

- Не удосужился.

- Зря! Кто тебя ждать будет? У мужа дом должен быть, где тебя ждут, куда ты будешь стремиться вернуться. Это как для корабля родная гавань.

Не ожидал от наемника таких высказываний Алексей. Неужели все греки по своей сути философы? В стране их было множество, тогда как в других странах, даже сопредельных, они появились значительно позже. Мудрецы не в счет, те на собственном опыте выводы делают.

Утром, после построения и переключки, причем имена воинов на глиняной табличке нацарапаны были, лохаг распустил наемников. Все греки – сразу к своим старшим. Стракис из кожаного кошельа деньги раздавал. Всем одинаково – по две драхмы. А когда Алексей разглядел деньги, понял: македонские они, не греческие. Профиль царя Филиппа и надпись. Видимо, не успел Александр своих денег начеканить. Придя к власти после отца, он сказал своему народу: «Мой отец взял вас бродягами и нищими, одетыми в овечьи шкуры, пасущими овец по склонам гор... Он сделал вас горожанами, внес порядок и законы, право в вашу жизнь».

Но Филипп оставил не только порядок, но и дыру в казне, долг в пятьсот талантов. В сентябре 335 года вспыхнул мятеж в Фивах. Стремительным маршем Александр перебросил часть армии из Иллирии. В конце сентября начался штурм города. Македонский гарнизон, сидевший в крепости, не способный ввиду малочисленности подавить мятеж в зародыше, смог открыть городские ворота. Город был захвачен, мужчины обращены в рабство. Александр наложил на город контрибуцию, огромную сумму – четыреста сорок талантов. На вырученные деньги погасил большую часть долга отца. Поэтому горожане мужского пола почти все были пришлыми из других городов и областей.

При Филиппе были обнаружены месторождения серебра и золота, скудные, но позволившие начать чеканку монет. Александр развил дело отца, открыл двадцать шесть монетных дворов. Монеты были высокого качества чеканки, они использовались для жалованья воинам и взимания налогов. На всех монетах обязательно было изображение солнца – характерный македонский знак.

Многие воины, получив деньги, отправили своих рабов на рынок. Так же поступил и Алексей. Он понятия не имел, что покупают на пропитание на день. Но раб Крис был малым разумным. Купил горячих пшеничных лепешек, вяленого мяса, копченой рыбы и оливок.

– Ты не сказал мне про вино, господин, – сказал Крис, вручая корзинку.

Есть воину вместе с рабом было зазорно. Алексей поступил, как другие воины. Разделил продукты надвое.

– Хочешь – сразу съешь, хочешь – на весь день раздели, – сказал Алексей.

Раб разделил съестное, поклонился:

– Ты добрый, Алекс.

– Денег хватило?

– Я не знал, покупать ли вино, оставил. На кувшин должно хватить.

– Купишь к обеду.

Утром Алексей не привык есть много. Поел лепешку и мясо. Сытно, но брюхо не полное, не помешает воинским занятиям. Пока ел, едва не пропустил команду на построение. Его товарищи из палатки начали строиться, причем в полном боевом облачении – со щитами, шлемами на головах. Алексей надел кирасу, напялил шлем, опоясался мечом, подхватил щит. Конечно, круглый деревянный щит, окованный бронзой, сильно уступал тому, с которым он воевал гоплитом в Византии. Тот был сделан по римскому образцу – прямоугольный, полутораметровый, почти закрывающий всего воина, вогнутый, да еще имеющий внизу два зубца. Тяжелый, не греческому чета, зато воткнул зубцы в землю при нападении, как делала вся шеренга, – и попробуй враг сломить такую стену!

Начали с простого. По команде делали шаг вперед, мечом совершали выпад вперед, еще шаг и еще выпад. Скучно! Потом разделились на две равные группы. Одни наступали, другие оборонялись. Нет, все-таки греческие щиты – маломерки! У Дария, как знал из истории Алексей, много лучников, впрочем, как и в других армиях. При массивном обстреле первая шеренга римской и византийской армии стояли, уперев щиты в землю, а воины следующих рядов поднимали щиты над собой. Этот прием назывался «черепаша». Щиты спереди и сверху отлично защищали от стрел. Были иной раз поражения – в руку или ноги (между щитами были небольшие щели). Но в греческой армии боевого порядка «черепаша» не знали, да и как укрыться за небольшим по диаметру щитом?

Занятия проходили каждый день, понемногу усложняясь. Наступление с копьями, оборона при наступлении кавалерии. Алексей, имевший боевой опыт в разные времена и в разных армиях, отчетливо видел недостатки и промахи как в вооружении, так и в построении тактики боя. Но молчал. Кому нужно его мнение, если он наемник и еще ничем не проявил себя в бою?

Умников в армии не любили. Покажи себя, прояви отвагу, убей врага, а лучше нескольких, выручи товарищей, тогда будешь пользоваться уважением и к твоим словам или советам прислушаются со всей серьезностью.

Стучал мечом по щиту, колол мечом воображаемого противника, делая выпады копьем, – и все стиснув зубы. Из-под щитов были видны нижние половины туловищ, у кого-то – поножи одеты, большинство их не имеет. Почему-то греки наивно надеются, что противник не будет бить по ногам. Это в классической борьбе ноги – табу. А в бою любой удар по противнику хорош, если выведет его из строя, тем более что ближайший враг – это персы, а у них могут быть другие принципы.

Пока тренировались, оттачивали выучку, лохаг набрал недостающих наемников. При всех недостатках лоха были положительные моменты. Каждая шеренга, строящаяся в фалангу, имела свое, строго определенное место. А каждый гоплит знал своих соседей справа и слева, впереди и сзади.

Еще неделя подготовки – и вот в один из дней появился стратег Фотис.

– Даю время на сборы, завтрак. В полдень выступаем. Кто не успеет, пусть пеняет на себя. Построение здесь, в колонну по четыре. Рабы идут сзади, несут пожитки.

Лагерь наемников напоминал растревоженный улей. Воины и рабы сновали во всех направлениях. Много ли у воина скарба? Туника, повязка на чресла. У кого медный кубок для вина, у кого деревянная расческа. Все остальное – оружие и доспехи. И вот уже строится лох. Со стороны посмотришь – грозная сила. Но не обкатан боями, не сплочен в боевое братство совместно пролитой кровью, своей и чужой, не испытан трудностями и лишениями. Кто из воинов опытен и умен, понимает это.

Вышли из Фив под звуки барабана и гнусавое пение флейты. О строевой подготовке в эти века не слыхивали. Лох, поднимая пыль сандалиями, шагал по утопанной грунтовой дороге.

Встречные, услышав тяжелый шаг воинства и завидев блеск щитов и шлемов, уступали дорогу, сходили на обочину. Через каждую пару часов, хотя время было приблизительное, делали короткий привал. В лагере время определяли по

солнечным часам или – что пока было реже – по водяным, прозываемым клепсидрой. Многие воины на первом же привале отдали щиты рабам. Всё же по своей территории идут, можно не опасаться нападения противника. На чужой земле такая беспечность могла закончиться печально.

Только к вечеру, когда солнце коснулось холмов, сделали остановку на ночлег. По прикидкам Алексея, успели прошагать километров тридцать. В отличие от римского или византийского порядка, лагерь обустроить не стали. Византийцы, по римскому примеру, сразу окапывали лагерь, вбивали колья, выставляли караулы; назначался караульный начальник, стража менялась каждые четыре часа. Ничего подобного у греков не было. Каждый подыскивал себе удобное место для ночлега, раб стелил кусок холста для хозяина. Оружие и защита лежали грудой подле. Ни периметра, ни часовых. Алексею это сильно не понравилось. На войне такие привычки кончаются большой кровью. Что из того, что есть стратег, на котором лежит ответственность за лох, если ночью воинов попросту вырежут спящих? Эх, святая наивность и простота, которая хуже воровства!

Утром оказалось – неподалеку деревня. Когда после переключки раздали деньги, рабы кинулись туда за съестными припасами. Но это в Греции, довольно густонаселенной, где зачастую населенные пункты находятся в пределах видимости друг от друга. Алексея брало сомнение: что греки будут делать в Персии? Сам он там не был никогда, но сомневался, что на вражеской земле так легко удастся раздобыть провизию.

Римляне после покорения Греции переняли у греков многое, в первую очередь науки, ремесла, культуру. Но и сами продвинулись вперед. В походе каждый воин нес с собой колья для ограды лагеря, запас продуктов на три дня пути. Об этом заботились службы снабжения. Желания постоянно сравнивать две армии не было, получалось само, и сравнение было не в пользу греков.

Марш продолжался несколько дней, пока не вышли к побережью, к небольшой рыбацкой деревушке. Алексей сначала подумал: вышли к морю, – но вдали виднелся берег.

– Геллеспонт, – сказал Стракис.

Геллеспонтом греки называли пролив Дарданеллы, соединяющий Черное море со Средиземным. Ширина его колебалась от одного до шести километров. На другом берегу уже были земли Персидской империи, во главе которой стоял Дарий III, сын Арсама. До вступления на престол занимал пост сатрапа Армении, носил имя Кодоман. Трон занял поздно, в сорок пять лет, вероисповедовал зороастризм, как и многие в царстве. Родился в Бактрии, полководческим талантом не обладал. Супругу звали Статирой, сыновей – Ариобарзан, Ох[2 - Охатр, по другим версиям – младший брат Дария III.], Сасан I (сатрап в Средней Азии), Сасан II, дочерей – Дрипетиды и Статира.

Армия Дария значительно превосходила по численности готовящуюся к переправе армию Александра. Но армия Дария имела слабую боеготовность: выучка воинов неважная, набраны в армию из разных племен, зачастую говоривших на разных языках. В пехоте бо?льшую часть составляли пращники и лучники, меньшую – кардака, аналог греческих гоплитов, воинов тяжеловооруженных. Имелась конница, тоже большей частью легкая – метатели дротиков и лучники. Персы использовали наемников. В пехоте – греков из греческих городов Малой Азии, в коннице – скифов. У скифов всадники и кони были защищены медью, все оружие – мечи, копья, боевые секиры – тоже было медным. В персидской армии использовались слоны и верблюды, для перевозки грузов – мулы.

У побережья стояло не меньше сотни кораблей. Большая часть – транспорты для перевозки пехоты – гоплитагагосы, суда с одной мачтой и прямым парусом, не позволявшим ходить при встречном ветре. Для такого случая имелись гребцы (Алексей четко видел гребную палубу и порты для весел). Суда небольшие, метров пятнадцать в длину, с двумя рулевыми веслами на корме. Такие вмещали до сотни воинов с вооружением, если плыть недалеко. В дальних походах требовался запас провизии и воды, за счет чего вместимость судна уменьшалась.

В небольшой гавани покачивались на спокойной воде две биремы (двухпалубные гребные суда) и одна трирема (с тремя палубами) – типичные боевые корабли, главным оружием которых для морского боя был носовой таран. Для Алексея странно было. Такая куча судов стоит в открытую, с чужого берега наверняка все хорошо видно. А где же персидская армия, где разведка? У персов есть флот, и не маленький, он вполне мог бы помешать переправиться на персидский берег армии Александра. Одна ошибка или халатность громоздились на другую, а в итоге беспечность персов развалила империю Ахеменидов.

Посадка наемников началась прямо с марша. Гоплиты взбегали по сходням на корабль. Поскольку те стояли плотно, борт к борту, перебегали с судна на судно, пока все пять сотен греков не заполнили полностью шесть кораблей. С воды было видно, как к деревушке с холмов спускаются все новые и новые лохи, садятся на корабли и тут же отплывают. Все происходило довольно быстро. Армия Александра славилась стремительностью и выучкой.

На персидском берегу, по другую сторону пролива, располагались греческие города, захваченные персами. Но в них стояли персидские гарнизоны, обязанные предупредить сатрапа Митридата о скоплении войска противника. Как многие восточные люди, пробившиеся наверх, он обладал большим самомнением, полагал у себя наличие многих способностей, в том числе полководческого таланта.

Ближе к вечеру целая армада судов отчалила от берега. Алексей был удивлен: куда же к ночи переправляться? Десанту с судов высадиться надо, закрепиться на чужой земле. Впереди ночь, лазутчики персам донесут о чужих воинах, к утру могут подтянуться войска империи и начнется не бой, а бойня.

Ничего подобного не произошло. Суда без всякого препятствия буквально через полчаса причалили к чуждому берегу, гоплиты по сходням высадились. Вокруг ни одной живой души. Воины располагались на берегу, жевали выданные лепешки и финики. И снова никаких караулов. Ночью спали все, как будто не в походе, не на чужой земле. С первыми лучами солнца – подъем по барабану, построение и марш на северо-восток, по побережью. Встречающиеся редкие туземцы, причем как греческого вида, так и персидского, не проявляли враждебности и даже признаков тревоги. Просто нелепица какая-то. Позже пришла догадка: не за греков-наемников персидского войска их принимают?

Греческие пехотинцы нанимались в армии противоборствующих империй, ни у кого это не вызывало подозрений или сомнений, потому как в бою греки не трусили и сражались отважно.

Как потом понял Алексей, наемники следовали на воссоединение с армией Александра, высадившегося в Илионе – легендарной древней Трое. Там высадились македоняне и конница. Город сдался на милость победителя без боя, за что Александр даровал городу свободу, освободил от уплаты дани персам и двинулся на юг, на соединение с остальными частями. Персы не препятствовали. Их лазутчики мелькали вдалеке – то на конях, то на верблюдах.

Наблюдали, исчезали, появлялись вновь. Армией Александра командовал опытный военачальник Парменион. Южнее Трои части армии соединились. Тогда Алексей в первый раз увидел великого в будущем полководца и царя, имя которого останется в памяти человечества на века и тысячелетия.

Встреча частей произошла обыденно. Встретились, обустроились лагерем, переночевали. А утром построение войск. Александр на любимом коне Буцефале, которого объезжал сам, проезжал медленно мимо строя конницы, потом пехоты. Греки-гоплиты поговаривали, что Александр знает по именам каждого воина-македонянина. Алексей разговорам этим не верил. Воинов тысячи, десятки тысяч. Как можно упомнить? Алексей в первой шеренге стоял. Александр в сопровождении Пармениона и других полководцев остановился почти напротив, в десяти шагах. Совсем молодой, атлетически сложенный, в блестящих доспехах. И непонятно было, почему спустя двадцать три века в Иране, Сирии, на Кавказе его до сих пор вспоминают как Искандера Двурогого. На шлеме обычный гребень с перьями, как и у многих воинов, а не рога, тем более два. Скорее всего, аналогия с дьяволом, шайтаном.

Александр привстал на стремянах, поднял правую руку, крикнул:

– Приветствую славных гоплитов из Эллады, да хранят вас ваши боги!

Воины в знак приветствия выхватили мечи, стали плашмя бить ими по щитам. Грохот подняли оглушительный. Александр явно остался доволен. Так приветствовали царей и победителей. Он царь, но надеялся, что все победы у него впереди. И он не заблуждался.

Алексей так внимательно разглядывал Александра и его знаменитого коня Буцефала, что как выглядят Парменион и другие полководцы, просто не обратил внимания. При всех недостатках Александра – жестокости, деспотичности, жажде власти – он проявился как полководец и остался в памяти многих народов как Великий. На монетах многие правители выглядели моложе, благообразнее. Александр же смотрелся именно таким.

Граник

Первое столкновение с персами произошло летом 334 года до н. э. на берегу Геллеспонта, в устье реки Граник. Войско Александра продвигалось по побережью. Лазутчики уже донесли молодому царю, что впереди их ожидает войско персов.

Получив первое тревожное сообщение от своих соглядатаев, сатрап Митридат собрал военный совет. Командир греческих наемников Мемнон советовал не принимать открытого боя, медленно отступать, изматывать боями наступающего противника и оставлять позади себя безжизненную землю. Людей и скот уводить, все съестные припасы увозить. Через некоторое время войско Александра станет голодать, а лошади падут и будут съедены. Вот тогда нанести решающий удар. Митридат всех выслушал, но решил по-своему: дать бой, тем более войск у него хватало, и верноподданнически доложить о победе Дарию. И наилучшим местом мнивший себя полководцем Митридат счел берег реки Граник. Правый берег ее довольно крутой, препятствующий переправе войск противника. А еще переправе будут мешать лучники. Они успеют выпустить по воинам Александра сотни, тысячи стрел. А на самом берегу тех, кому повезет переправиться, будет ждать конница и греческие наемники-гоплиты. Своим пехотинцам – кардакам – он не очень доверял. И Митридат на военном совете объявил решение: дать бой. После полудня войска сатрапа стали выдвигаться навстречу армии Александра.

Лазутчики Александра известили, что навстречу ему продвигается крупная по численности, почти равная армии Александра группировка Митридата. Под председательством молодого царя в походной палатке состоялся военный совет. Александр выслушал все мнения. Последним, по традиции, говорил старший – Парменион.

– Войско Митридата многочисленно, и если он займет берег Граника раньше нас, перейти реку не удастся. Потери будут велики. На другой берег едва ли выберется каждый второй. Наши илы будут расстроены, не смогут занять боевой порядок и будут смяты, сброшены в реку.

Когда Парменион замолчал, наступила тишина. Все ждали, какое решение примет Александр. Парменион – опытный полководец, и к словам его стоило прислушаться. Александр долгое время хранил молчание, раздумывал. Если он

проиграет первый бой с персами – это плохое предзнаменование. Но и в Персию, давнего врага греков и македонян, он привел армию не для того, чтобы уклоняться от боя, бегать, как трусливый заяц.

- Мы будем биться, – поднялся он. – Выступаем!

Персы сами определили позицию – на высоком берегу реки. Единого командования у армии Ахеменидов не было, но старшим по опыту и численности своих людей считали Арсита, сатрапа Фригии. Он расположил конницу вдоль берега. В первых рядах он поставил лучников, за ними – немногочисленных тяжеловооруженных всадников, а во втором эшелоне, за правым своим крылом, – отряд греческих наемников под командованием грека Мемнона, причем на склоне холма, немного в отдалении от конницы, тем самым фактически исключив наемников из боя. А греки были самой боеспособной частью персидского войска.

Когда Александр с войском дошел до реки, персы уже стояли. Пришлось разворачиваться в боевые порядки с марша. На левом фланге войска Александра стояла фессалийская и греческая конница из союзников. По центру – фракийская пехота, затем по фронту – филы[3 - Фила – объединение нескольких лохов в греческой армии, по численности – от двух до четырех тысяч гоплитов.] Кратера, Минагры, Аминты, на правом – филы Пердики. Во втором эшелоне стояла македонская фаланга. Перестроение совершалось быстро. Персы громогласно осыпали войско Александра насмешками. По численности армии на противоположных берегах были равны. На самом правом фланге стояли гетайры Филоты и корпус щитоносцев Никанора. Конницей на левом фланге командовал Парменион.

С точки зрения Алексея, место для битвы было подобрано Александром неправильно. Его войску надо было переправиться на другой берег, причем крутой, да под массовым обстрелом лучников-персов. И форсирование реки, и обстрел предполагали потери. Из истории он знал, что битва завершится победой. Сам он, командовавший в Византии войском, на такую авантюру не решился бы. Но он – не Александр. Тот виден был обеим армиям в своем золоченом шлеме, в белой тунике с красной полосой. Плюс блестящая кираса, отражавшая лучи солнца. Не заметить царя было невозможно. Тем более возглавлял он двойную по численности илу в четыреста человек, называемую царской, состоящую из телохранителей. Рядом с царем восседал на коне начальник личной охраны Клит Черный.

Александр поднял меч и первым направил коня в реку. За ним ринулись другие всадники. Кавалерия пошла наискосок, борясь с течением воды. Александр с правого фланга своего войска явно метил в центр персидского. С противоположного берега тут же полетели стрелы. С шелестом падали они вниз как железный дождь, и многие стрелы находили свои жертвы. Алексей видел переправу своими глазами, действие разворачивалось почти напротив него. Тут же был отдан приказ выступать.

Греческие воины, выставив копья, двинулись к реке, ускоряя шаг. Труднее всего было перейти реку. Бурный поток сбивал с ног. Алексей перевернул копье железным концом вниз, упирался им между камней. Копье давало хоть какую-то опору. Глядя на него, другие гоплиты стали поступать так же. Что творилось на другом берегу, уже не было видно: высокий склон ограничивал видимость. Стрелы персов падали все реже, из чего Алексей сделал вывод, что конница Александра добралась до лучников. Лучники составляли значительную часть конницы персов, не имели мечей, а для защиты использовали легкий, полумесяцем, щит.

Тяжелая конница македонян врубилась в ряды персов. Пролилась первая и обильная кровь. Звон мечей, глухие удары по кирасам, разноязычные крики людей, стоны раненых, ржание лошадей – все звуки слились в грозный шум битвы. И над схваткой повисло желтое пыльное облако, поднятое копытами коней.

Филы греков, а рядом с ними филы других пехотинцев строились в боевой порядок – фалангу. Но наступать им не давала сражающаяся конница. Но вот постепенно, метр за метром, персы стали отступать, не выдерживая напора. А войско Александра переправлялось, все прибывая на этот берег. Уже и македонская фаланга, стоявшая в начале битвы в тылу всех войск, форсировала реку.

Фессалийская конница ударила по правому флангу персов, стала обходить. Персидские военачальники, Митридат и Арсит, решили, что конница Александра обходит и хочет ударить в тыл, где были лишь персидские легковооруженные всадники. Отдали приказ отступить, выровнять линию обороны. Но в бою перестроить войска сложно, а подчас невозможно. Перегруппировка привела к отступлению, а потом и к бегству. Алексей видел, как телохранители вывели из боя, окружив со всех сторон, Александра. Шлем его был помят, кольчуга

повреждена, забрызгана кровью. И непонятно, чья кровь – царя или вражеская? Уже после боя выяснилось: царь был легко ранен в руку, но в ситуации был критической, со всех сторон наседали персы, страстно желая убить Александра. Положение спасли телохранители во главе с Клитом Черным: прорубились через персов и уберегли Александра от гибели.

Конница Александра бросилась преследовать конницу персов. На поле боя лежали трупы. Много трупов – воинов, лошадей. Персы явно проигрывали сражение, но на склоне холма стояли еще незадействованные в бою греческие наемники Мемнона. Они не дрогнули, были готовы к бою. На них двинулась вся пехота Александра – македоняне, союзные греки, греки-наемники. Численность отряда Мемнона была немногим больше четырех тысяч гоплитов. Отлично обученные и вооруженные, они представляли серьезную силу.

Алексей шагал в первом ряду фаланги. Его охватывало пьянящее чувство предстоящей схватки: бушевал в крови адреналин, гулко билось сердце, вспотели ладони, держащие оружие. Все же бился он на мечах давно, сотни лет назад, и вроде так недавно. Мерно вышагивающая фаланга войска Александра перешла на бег, желая использовать силу инерции, вломиться в строй противника, сбить с ног. Фаланга сильна своим строем, когда воина прикрывают его товарищи слева и справа. Стоит нарушить строй, и битва превращается в схватку двух противников, где каждый сам за себя.

Алексей набежал на грека, щитом отбил его меч, сам нанес сверху два удара, но грек успел подставить свой щит. Алексей улучил момент, когда противник поднял щит, ударил его ногой по колену. Пинок был сильный, грек не ожидал подвоха, рухнул на колени, приоткрылся. Алексей рубанул его по шее мечом, и грек рухнул. Теперь вперед, на шаг, на два. Удар мечом вправо, по соседу грека в строю, сам едва увернулся от меча спереди. Грек во втором ряду фаланги попытался достать его колющим ударом. Но уже почти весь первый ряд фаланги греков вырублен, в рядах расстройство. Звон мечей, глухой стук сталкивающихся щитов. Крики боли и ярости, стоны раненых. Даже если бы командиры отдавали приказы, никто не смог бы их услышать в таком шуме.

Алексей был на голову выше большинства воинов, своих и чужих, ему была видна битва. А еще немаловажное обстоятельство – руки длиннее. Не намного, но это уже преимущество в бою. Противник прикрывался щитом умело, сам атаковал. У обоих мечи одинаковые, и исход боя решила длина рук и опыт. Грек напал яростно, удары мечом следовали один за другим. Алексей стоял

недвижно, как скала, отражая удары мечом или принимая на щит. Грек начал выдыхаться, удары стали уже не такие сильные и частые. Алексей выждал момент, когда противник прикрылся щитом, прыгнул на него всей массой, сбил с ног, дважды ударил мечом под щит грека, ощущая, как клинок входит в тело. А на него уже нападает грек из третьего ряда. Алексей успел вскочить, кончик лезвия грека все же достал по касательной плеча. Болью обожгло, кровь потекла из раны. У противника глаза довольно заблестели: как же, первый удар, а враг ранен, остерегаться будет, осторожничать. Не на того нарвался! Алексей сам в атаку перешел. Наносил удар за ударом, вкладывая всю свою силу. Щит грека не выдержал, дал трещину, после нескольких ударов щепки полетели. Алексей же молотит по щиту не переставая. Греку бы нагнуться, щит убитого товарища подобрать, да нет у него ни секундошки. Грек испугался, пятиться стал. Алексей подпрыгнул, сверху увечного щита удар нанес. Меч смял шлем, соскользнул на плечо, разрубив ключицу. Хлынула кровь, грек закричал, выронил оружие. Алексей вторым ударом добил врага. С такой раной от первого удара не живут, только промучается несколько часов. Пусть умрет быстро. Наемников уже окружили – и пехота, и конные воины Филоты. Превосходство в силах значительное. Наемники Дария сопротивлялись ожесточенно, грамотно. Но когда конница смяла их ряды, началось избиение, уничтожение греков. Вели себя наемники достойно, держались вместе, никто не бросил оружия. Таких противников уважают. Когда начальник наемников Мемнон осознал, что бо?льшая часть его гоплитов погибла и та же участь может постигнуть всех, он отдал приказ сдаваться. Греки побросали оружие и сдались на милость победителя. На поле боя осталось больше двух тысяч убитых греков. Уже после боя Александр распорядился подарить трофейные щиты греков Мемнона союзным грекам – афинянам, коих собрали более трех сотен. Другие были изрублены и к дальнейшему использованию не годны. Самому Мемнону в суматохе удалось ускользнуть.

Конница Македонского еще какое-то время преследовала конницу Митридата, методично ее уничтожая. Александр и войско праздновали первую победу. Армия его воодушевилась: при почти равной численности, занимая невыгодное для атаки положение, они разбили и рассеяли войско Дария. Для воинов успешное начинание очень важно, стало быть, их вождь успешен и боги ему благоволят. А по империи Ахеменидов сразу пронеслась весть о поражении армии Митридата. Психологически такое известие угнетает армию противника, ввергает в уныние. И Дарий всполошился. Одна из его лучших армий разбита и рассеяна, да еще каким-то малоизвестным доселе правителем Александром.

Фила греков армии Александра принялась праздновать. Стракис подошел к Алексею.

– Я был рядом с тобой в бою. Ты держался хорошо, действовал смело. Чувствуется опыт.

– Ты полагаешь, что я тебя обманывал?

– Нет, но лучшая проверка воина – бой. Давай отметим победу, мы захватили обозы армии Дария, и у нас будет чем поживиться.

И впрямь, в повозках нашлись сушеное мясо, сушеные фрукты, даже подчерстневшие лепешки, вино в кувшинах. Судя по вкусу – греческое.

Вино, по греческому обычаю, вполовину разбавили водой. Вокруг Фотиса сразу образовался круг из воинов его дюжины. Только дюжины уже не было, всего восемь человек. Вина налили в шлем, пустили по кругу. Каждый отпивал сколько хотел, заедали сушеными абрикосами и дынями. Аппетит приходит во время еды, принялись за сушеное мясо. Сил во время боя ушло много, и все проголодались. Поев сами, разрешили поесть рабам, которые следовали за войском. После трапезы рабы стали собирать трофейное оружие и защиту: щиты, поножи и наручи, шлемы. Воины же принялись чистить и точить оружие. Не приведи клинок в порядок сразу, потом долго и нудно оттирать надо, да и ржавесть начнет. И не столько для начальства делали, как для себя. Для воина меч – такой же инструмент, как для музыканта лютня или для плотника топор.

Отойдя на место повыше, подальше от трупов, улеглись спать. Для Алексея чужое небо непривычно. К тому же жарко и душно. Странно, в бою духоты не замечал, хотя в полном боевом облачении был. Видимо, на адреналине. Сколько бы у тебя ни было опыта, схваток за плечами, все равно перед боем волнуешься. Может встретиться противник сильнее, удачливее тебя. И благо, если смерть будет мгновенной. А при ранении в живот будешь долго мучиться, если не добьют из милосердия свои же. При таких ранениях, проникающих в живот или грудь, выживали очень редко. Суровая жизнь, суровые законы, суровые обычаи.

Алексей полагал, что после битвы Александр даст своей армии день отдыха. Так традиционно было во всех армиях мира. Но Македонский был из другого теста. Он жаждал добить армию персов. Для этого были и личные причины: в бою

Митридат собственноручно легко ранил Александра, также был убит под полководцем его конь, к радости Македонского – не любимый Буцефал. От гибели Александра спас начальник личной охраны Клит Черный. Золоченый шлем полководца, помятый в битве, срочно ремонтировал оружейник.

Маршем двинулись сначала македонские фалангиты, за ними – греческая конница, ила за илой, изрядно поредевшие в бою. Затем отдали команду выступить греческим гоплитам. Алексей зашагал рядом со Стракисом. Колонна воинов вытянулась, насколько видел глаз. За пехотой ехали македонские тяжеловооруженные всадники гетайры. Они практически не понесли потерь в бою. Хорошая защита и выучка сыграли свою роль.

Дорога сначала на подъем шла, а как плато пошло, повернула на юг, тянулась вдоль морского побережья. Начали встречаться маленькие городки, населенные преимущественно греками. Но в каждом стоял персидский гарнизон. Греки с радостью распахивали городские ворота, а немногочисленные гарнизоны даже не думали воевать. Разве можно совладать с огромной армией, разбившей войско Митридата? Складывали оружие и сдавались в плен. Жители угощали воинов лепешками, фруктами. Александр оставлял в таких городах по несколько воинов. Больше для порядка – обозначить свое присутствие, а еще малый гарнизон мог послать гонца в случае опасности. Сопrotивлялись лишь два города – Милет и Галикарнас, где персидские гарнизоны были многочисленными, а стены городские – крепче. Кто лучшие инженеры? Греки! С собой Александр осадных машин – катапульт и баллист – не брал, они громоздки и тяжелы, каждый такой механизм требовал для перевозки целый обоз. Но инженеры, прозываемые учеными мужами, построили несколько баллист. Начали обстрел городских стен камнями. Баллисты швыряли камни весом по сорок-семьдесят килограммов за двести метров (дальность полета стрелы из хорошего лука). В камнях в гористой местности недостатка не было, их доставляли пленные под присмотром воинов. Баллисты били в одно место. Каждый камень выбивал из кладки стены небольшое углубление. Но камней летело много, дефект расширялся и углублялся, от него по стене ползли трещины.

Фаланга Алексея располагалась недалеко от работающих баллист. Поскольку заняться было нечем, он ходил к механизмам, смотрел на их работу. Зрелище завораживающее, можно смотреть долго. Вроде устроено просто – несколько бревен, канаты и петля для камня, – а разрушительный эффект сильный. И прожили эти конструкции практически в неизменном виде пятнадцать веков, в Риме, Византии, Европе, до появления артиллерии. Греки воистину были

великими учеными и механиками. Кроме баллист и катапульт придумали «греческий огонь», фактически огнеметы. Философы, ученые, мыслители и поэты, инженеры, олимпийские игры – маленькая нация оставила миру великое наследство.

Один из механиков, обслуживающих катапульту, заметил любопытствующего гоплита.

– Подойди, земляк.

Алексей подошел. Одет он был как гоплит, загорел под южным солнцем, по-гречески изъяснялся свободно. И греки принимали его за своего.

– Интересно?

– Да, хитрая машина.

– Сам попробовать хочешь?

– Хочу.

Под приглядом механика Алексей вместе с другими воинами, обслуживающими баллисту, крутил тяжелый ворот, поднимал груз – противовес. Потом вдвоем они еле подняли камень, уложили в широкую и мощную кожаную петлю, сшитую из нескольких слоев свиной кожи.

– А теперь бей по рычагу, – кивнул механик.

Бить надо было сильно. Алексей ударил кулаком, станина содрогнулась, камень в петле прошел буквально рядом и улетел к городской стене. Бум! Глухой удар – и облако пыли из каменной крошки обозначили место попадания.

– Вот так мы работаем. Никого мечами не колем, и труд наш тяжел. Но без механизмов воинам город не взять, – грек улыбался во все тридцать два зуба.

Да, пускать камни из баллист и катапульт – занятие для физически крепких мужчин. Не зря механики пользовались в войсках всех армий уважением и

повышенным жалованием.

Осада города длилась почти два месяца. И каждый день камни из баллист методично били в стены. Александр не торопился. С одной стороны, жители города и воины ослабеют, поскольку город окружен и подвоза продовольствия нет, а запасы в жарком климате сделать сложно. А с другой – не собирался нести потери, штурмуя целые стены. Вот сделают баллисты пролом, тогда другое дело. В этом случае все решит превосходство в силах, а их у защитников города не много. Персидский гарнизон не столь многочислен, а жители, вздумай они сопротивляться, – вояки слабые.

Все же настал тот день, когда стена рухнула, образовав брешь. Алексей этот момент видел. Камень из баллисты угодил точнехонько в выбитое в стене углубление, выбив каменную крошку. Стена устояла, затем раздался треск, по стене поползли трещины. Очень быстро они увеличивались, и изрядный кусок стены с грохотом рухнул, подняв кучу пыли. Этого момента в лагере Александра ждали. Тут же заревела сигнальная труба. Воины стали строиться в фаланги. Конница не спешила, ворваться в брешь – это дело пехоты. А когда гоплиты смогут пробиться к воротам и открыть их, тогда конница ворвется в город, растечется по улицам и начнет рубку всех, кто окажет сопротивление. Поскольку город не сдался на милость победителя, Александр решил проявить жестокость, дабы устроить жителей других городов. Отдал приказ персов и жителей, кто оружие в руках держит, в плен не брать, убивать на месте.

Фаланга Алексея по команде Фотиса бросилась к бреши в стене. Там уже мелькали фигуры персов, которые пытались организовать оборону. Греки бежали к пролomu с громкими криками. Как любил говаривать Фотис: «Надо, чтобы глас наш долетел до ушей богов». А еще рев гоплитов пугал противника. Алексей не был в первой шеренге, те уже начали биться с персами. Звон оружия, крики. Он улучил момент, прыгнул в сторону, между дерущимися и городской стеной, побежал. За ним – еще несколько гоплитов. Навстречу с десятком кардаков, персидских пехотинцев. На Алексея набежал перс высокий, жилистый. Такие в бою выносливы. Все удары Алексея мечом принимал на большой круглый щит. Алексей крепче и мощнее противника, удары наносил сильные. Не окованный по краям деревянный щит перса, обтянутый кожей, не выдержал, щепки полетели, а Алексей знай мечом работает. Еще удар – щит раскололся, в руке у перса только ручка щита с умбоном. Перс на мгновение растерялся, и Алексей уколол его в грудь. Противник упал. Надо помогать своим: все греки, что побежали за ним, связаны боем. Алексей забежал сзади, стал рубить мечом

противника по спинам, плечам. Минута – и все персы поражены. Гоплиты добились раненых. Великий Александр приказал пленных не брать.

Галикарнас по площади велик, улицы по-восточному узки и кривы, только повозке протиснуться. Через пролом в стене в город врывались все новые воины. Алексей, а за ним и другие греки побежали к воротам. Надо их открыть, тогда в город ворвется конница. Но у ворот сильная стража. На Алексея копейщик наскочил, сделал выпад, Алексей щитом копье в сторону отбил, ударил мечом мощно по дереву и перерубил. Копейщик с коротким древком остался фактически безоружный. Не пощадил его Алексей, убил. Рядом схватка кипит, греков два десятка, а персов в два раза больше. Но к грекам каждую минуту подкрепление прибывает, тогда как силы персов тают. Стракис сумел к воротам прорваться, взялся за мощный засов. Засов тяжел, фактически обтесанное в брус бревно с рукоятями. Обычно такой засов сдвигали несколько человек. Уперся Стракис, мышцы вздулись буграми под кожей. Один из кардаков, осознав опасность, подбежал и пронзил грека копьем. Острие грудь пробило, глубоко в дерево ворот вошло. Грек безвольно повис, как приколотый булавкой жук в коллекции энтомолога. Алексей немного не успел спасти товарища, домчался, голову персу снес. К нему другие гоплиты на помощь пришли. Алексей щит за спину закинул, чтобы и его не пригвоздили. Навалились дружно, сдвинули хорошо смазанный брус в сторону. Потянули створки, разбежались в стороны, потому что сразу через распахнутые ворота ринулась конница. Сначала легкая, за ними тяжеловооруженные, закованные в бронзу и кожу гетайры, ила за илой. Все, теперь город персам не удержать. Всадники по улицам скакали, сбивая неосторожных жителей, рубили убегающих персов, даже тех, кто бросил оружие. Алексей присел сбоку ворот, рядом гоплиты из десятка. Потери были велики, в дюжине половина осталась. Кто ранен, другие убиты. Алексей, прошедший много битв, к крови и смерти привык, но когда теряешь товарища, на душе печально, скорбно.

К вечеру город очистили от персов, но по приказу Александра все городские ворота закрыли, поставили охрану. Александр за непокорность, активную помощь жителей персидскому гарнизону, решил всех продать в рабство. И продал. Связанных веревками жителей вели к морю, сажали в трюмы кораблей, везли в Европу, продавали на невольничьих рынках. В один день большой и богатый город опустел, и ветер нес по его улицам мусор.

Александр двинул армию дальше. Небольшие города, жители которых были уже слышаны о печальной участи Галикарнаса, сопротивляться не стали, сами

открывали городские ворота.

После Галикарнаса, где греческая пехота понесла незначительные потери, Алексея назначили на самую младшую командирскую должность. Он не напрашивался, но лохаг, командир отряда гоплитов в четыреста человек, принял решение сам. В дюжину Алексея вместо убитых и тяжелораненых пришли новобранцы, греки из освобожденных от персов прибрежных городов. Их пришлось обучать в свободное от переходов время. Армия Александра не стояла на месте.

Многочисленный персидский флот не позволял прибыть подкреплениям армии Александра, а еще мог высадить десант персов в тылу македонцев. Александр захватывал все прибрежные города, лишив таким образом флот противника берегового базирования. Момент важный: кораблям нужно пополнение провизией, питьевой водой, места для ремонта, укрытие от бурь.

Дарий тем временем собирал армию для сражения с Александром. Набирал наемников, подтягивал из глубины Персии пехоту, конницу. Войско получалось огромное, в три раза превосходившее армию Александра. Греческих гоплитов – наемников – двенадцать тысяч, а всего немногим более ста тысяч конных и пеших. Александр же имел тридцать пять тысяч пехоты и пять тысяч всадников. Армии сошлись в ноябре (мемактирион месяц по македонскому календарю) 333 года до н. э. на побережье Иссского залива Средиземного моря. Дарий подждал Александра на равнине у местечка Сохи. Армия Александра совершала переход через ущелье в горах, и Александр не спешил выйти на равнину, где персы получили бы явное преимущество из-за большей численности. Александр вышел из города Исс[4 - Современный Искендерун в Турции.], Дарий город тут же занял. Александр решил дать бой в долине реки Пинар. С одной стороны – Оманские горы, с другой – море. Ширина долины всего два с половиной километра. Александр сумеет использовать пространство, ударив всеми силами, а Дарий будет вынужден строить огромную армию в глубину, а не по фронту. Александр поставил в центре войска фаланги (девять тысяч македонцев и десять тысяч греков) с глубиной построения восемь шеренг. Правый фланг, у гор, занимал Пердикка. Здесь же тяжелая конница гетайров под командованием Филоты – две тысячи всадников. За ними критские лучники и легкая пехота варваров – две тысячи воинов. Левый фланг, у моря, занимали Птолемей и Мелеагр под общим командованием Пармениона. За ними стояла тяжелая фессалийская конница – тысяча восьмьсот всадников, конница греков – шестьсот человек, далее в глубину – пехота фракийцев и иллирийцев, всего семь

ТЫСЯЧ ВОИНОВ.

Армии разделяла река Пинар, неглубокая, но местами с обрывистыми берегами. Дарий напротив фланг Александра поставил фаланги греческих наемников, по их флангам – персидскую пехоту, от моря до гор. Конницу под командованием Набарзана поставил на правый фланг, у моря. Колесница самого Дария с личной охраной располагалась по центру, за греческими наемниками. Из-за тесноты долины Дарий не мог задействовать все силы, и преимущество в численности сошло на нет. Дарий считал иначе. Поворачивая голову, видел свое многочисленное войско, и самодовольная усмешка трогала его уста.

Александр не стал выжидать, бросился в атаку своим правым флангом во главе конницы. Тяжеловооруженные гетайры легко сломали сопротивление персидской пехоты. Неважная подготовка, короткие копья – и персы сначала попятнулись, потом побежали. Гетайры напирали, вклинивались в позиции персов, заходя сначала во фланг, а потом и в тыл греческим наемникам.

В центре македонская и греческая фаланги армии Александра легко преодолели реку, выбрались на берег. Наемники-греки не стали стоять, побежали навстречу противнику. Завязался бой крупных сил пехоты. Силы, вооружение и опыт гоплитов с обеих сторон примерно были равны. Конница Дария на своем правом фланге форсировала реку, атаковала фессалийскую конницу Александра. Напор всадников Набарзана был так силен, что фессалийцы стали медленно отступать. Александр опасность вовремя увидел и осознал. Развернув илы гетайров, ударил во фланг и тыл греческих наемников. Он еще по бою при Гранике помнил, что греческие гоплиты армии Дария держались дольше всех и оказали ожесточенное сопротивление, пока почти все не полегли. Развернуть в бою плотные шеренги фаланги затруднительно – слишком плотно стоят воины. Каждый воин щитом прикрывает свою левую часть тела и правую сторону соседа. Фаланга сильна глубиной шеренг. Сразили воина из шеренги впереди, его место занимает гоплит из шеренги сзади, и снова строй монолитен. На противника это действует деморализующе. Вроде бьются, а шеренги целые. Но пехоте держать удар спереди и сзади почти невозможно. Наемники стали пятиться, теряя воинов.

Алексей стоял в третьей шеренге греческих гоплитов против таких же греков у Дария. Выучка по уровню схожая, вооружение один в один. И греками снова командовал Мемнон. Когда труба прозвучала, дав сигнал к атаке, вместе с другими воинами через реку перебрался. Помог себе взобраться на берег,

опираясь на копье. Фаланга полностью выстроиться не успела, как противостоящие наемники в наступление двинулись. Шаг вперед – и удар мечом по умбону щита. Грохот железный для устрашения врага. А только гоплиты Александра и сами так умеют, не убоялись. Сшибка первых шеренг самая страшная, и редко кто в первой шеренге при атаке выживает. Каждая фаланга копьями оцетинилась. У первых шеренг копья короткие, у второй и третьей длиннее, перед фалангой – частокол из острого железа. Отступить назад или в сторону отойти невозможно, ряды плотные. Сошлись. Грохот железа, стоны раненых и хрипы умирающих. Копья, если они не сломались или не завязли в щите или теле противника, бросили. На короткой дистанции копье не самое лучшее оружие. Схватились биться на мечах. Алексей старается все удары не на меч принимать, а на щит, экономя силы. Из третьей шеренги после столкновения пехотинцев он уже в первой был, перешагнув павших воинов. Удар наемника принял на щит, еще удар – снова по щиту. Наемник опытен, но ростом Алексею уступает, все же большинство ниже Алексея на голову. А рост преимущество в мечном бою дает. Алексей после удара наемника сам удар нанес – уколом. Опыт – то уже большой. Упал наемник, а на его место другой вперед выступил, со свежими силами накинулся. Кричит Алексею:

– Собака македонская!

Кто бы говорил, сам царю Дарию за серебро продался. Алексей расправился с наемником быстро. Улучив момент, ударил противника по руке с мечом, отрубив по локоть, вторым ударом – укол в шею. А только напирают наемники. Полоска берега, на которую фаланга Алексея взобралась, неширока. Греки Александра сначала остановились, завязли в бою, потом медленно, шаг за шагом, пятиться стали. Замысел начальника наемников понятен: сбросить гоплитов Александра в реку.

Македонский, хоть сам участвовал в сражении, с высоты коня наблюдал за полем боя. Увидев, как его пехоту теснят к реке, повернул илы всадников. Рубка пошла страшная. Один тяжеловооруженный, закованный в броню гетайр стоил нескольких гоплитов. Вмиг полегли несколько шеренг на левом фланге наемников. Когда на фланге и в тылу противник, причем превосходящий по силам, никто не может остаться спокойным. Наемники дрогнули, попытались развернуть фалангу. Это и в спокойной обстановке непросто: фаланга имеет существенный изъян – ее почти невозможно повернуть, сменить направление движения, а еще использовать на пересеченной местности. Алексей об этой уязвимости знал. Как и Македонский – не зря он изучал воинские искусства и

стал великим завоевателем, получив у азиатских и арабских народов прозвище Зулькарнайн.

В войске Дария греческие наемники – гоплиты – были наиболее подготовленной, сильной частью войска. И когда гетайры врубались в фалангу, она дрогнула, потеряла строй. Паника в бою страшнее любого противника. Греки-наемники начали отступать, потом побежали. Александр же с группой гетайров пробивался к колеснице Дария. Ее было легко узнать как по телохранителям Дария в позолоченных доспехах, так и по флагу. Когда часть телохранителей – не самых плохих воинов – пала, Дарий не выдержал, развернул конницу и помчался прочь.

На глазах Дария гибла его армия, его личная охрана, приближенные, среди которых было много родственников. Но Дарий спасал свою жизнь, надеясь в скором времени собрать армию и отомстить Македонскому за перенесенный испуг и унижение. В схватке Александр пострадал: один из личной охраны Дария смог легко ранить полководца в бедро. С бегством Дария началось паническое отступление с поля боя его войска. Подчиненные всегда смотрят на начальника, он для них пример. Случилась давка, и многие были затоптаны, другие пали от рук своих же, прокладывая себе дорогу оружием. Дарию после бегства удалось собрать четыре тысячи воинов-персов, с которыми он пересек реку Евфрат. Александр беглецов не преследовал, хотя его командиры призывали догнать и истребить. Греческие наемники, которых уцелело в битве восемь тысяч из двенадцати, бежали в горы, затем переправились на остров Кипр.

Армии Дария еще повезло, так как воины Александра бросились грабить богатые обозы, а не добивать войско персов. В обозах – имущество самого царя, его семьи, многочисленной родни, двора, довольно большого по азиатским традициям. Войско Александра в случае победы имело право на трофеи, и оно их получило. Мало того, в обозе, в шелковом большом шатре оказались мать царя, его жена и дочери. Для Александра такая добыча богаче и желаннее золота. И для всей Персии знак. Если Дарий не смог защитить свою семью – дело для каждого мужчины святое, – то народ разочарован. Сильный удар по престижу Дария. А еще Дарий с пленением семьи упал в глазах правителей соседних стран, и их же устрасил Александр. Жена Дария вскоре умерла, а дочь царя Александр взял в жены после индийского похода. Жест знаковый – породниться с царской кровью – и для персов доброжелательный, примиряющий.

Больше всего правителей соседних, а то и дальних стран напугал факт несопоставимых потерь. Меньшая по численности армия Александра одержала победу, потеряв убитыми триста пехотинцев и сто пятьдесят всадников, в основном фессалийцев. Дарий же потерял половину армии – до пятидесяти тысяч пеших и конных. Вести о битве при Иссе сразу разлетелись по цивилизованному миру, кого-то радуя, кого-то шокируя, утрашая. До сих пор армия Дария считалась непобедимой, огромной, и мало было желающих попытаться захватить земли или города великой империи. Правители узнали, что появился новый сотрясатель мира, великий полководец, доселе известный только в Македонии.

Алексей, когда армия Дария бежала, тоже ринулся к обозу. Вооружение и броня на нем надежная, а жалование скудное, только прокормиться самому и слуге. Воины имели единственный способ разбогатеть, помочь семьям – трофеи. Многие зарились на дорогие ткани, шелк, шитую золотыми нитями парчу, дорогую, но бесполезную утварь царской семьи или его двора. Такие трофеи занимают много места, а ценность их не так велика. Алексей искал только золото или серебро. Только этот «презренный» металл мог позволить купить землю или дом либо необходимые вещи. Ни землю, ни дом он покупать не собирался. Теплые вещи, вроде шубы, в жарком климате не нужны, вполне хватало одежды воина. Алексей был неприхотлив, не собирался обзаводиться семьей, да и чувствовал себя человеком временным. В любой момент он мог вернуться в свое время. Но золото – мерило успеха воина в походе. Смел, удачлив – докажи. Уже не столько материальная сторона, как моральная. Между воинами завязывались потасовки при дележе трофеев. Бились на кулаках за кусок парчи, боролись. Это не возбранялось. А за применение оружия наказывали строго. Меч – для боя с противником, а не со своими товарищами. В лучшем случае изгоняли из армии, если последствия незначительные. А коли вред существенный, вроде смерти, виновного ждала казнь. Причем расправа была быстрая и прилюдная, с объявлением вины.

Алексей одним из первых накинулся на невзрачную повозку под тентом. Оказалось – походная казна. Он успел схватить мешочек с золотыми монетами, изрядного веса, килограммов пять. Тут же подбежали другие воины, и через пару минут повозка опустела. Отобрать взятый на меч трофей не мог никто. Ни лохаг, ни стратиг, ни сам Александр. Алексей посчитал, что за тяжелый бой и риск сегодняшняя добыча вполне адекватная. После битвы при Гранике он не поимел ничего. Нашел в обозе греческого войска своего раба Криса, вручил мешок.

– Отвечаешь головой! Пропадет хоть одна монета, будешь бит нещадно!

– Слушаюсь, хозяин.

Рабу на Алексея обижаться грех. Не бьет, кормит, поручениями не изматывает; постирать одежду после боя да приготовить похлебку – работа вовсе не тяжелая для молодого и здорового мужчины. Конечно, раб мог убежать, прихватив ценности. Но куда он денется, если на всех дорогах застава Александра. И на судно не сесть, чтобы переплыть Средиземное море. А поймают – забьют палками или камнями. Умереть от меча – удел воина, а не раба. Крис в каком-то городе прихватил для скромной поклажи тележку: два деревянных колеса, дощатый ящик для груза. Многие рабы ему завидовали, поскольку везти легче, чем тащить на себе, обливаясь потом.

День до вечера армия грабила и делила обоз. После ночевки по приказу младших командиров стали собирать на поле боя оружие, доспехи. Все это железное добро стоило изрядных денег. Грузили на опустевшие подводы обозов Дария. Потом принялись хоронить своих павших по традициям их земель. И только после дня отдыха войско двинулось дальше.

Вечером Алексея вызвал Фотис. Такие вызовы по вечерам по пальцам одной руки пересчитать можно. Неужели в командовании дюжиной есть упущения? Или кто-то из воинов совершил проступок, хуже того – преступление? Командир, пусть самого малого подразделения, отвечает за свое воинство. Так в каждой армии мира заведено.

Однако вопреки ожиданиям Фотис встретил его приветливо. Пригласил сесть за стол, разделить трапезу, вполне обычную – финики, сушеные фрукты, свежеспеченные пшеничные лепешки. Конечно, под разбавленное вино. В жарком климате оно хорошо утоляло жажду.

Не спеша поели, выпили. Потом, как понял Алексей, Фотис приступил к главному.

– От укуса блохи не умирают, но уж больно неприятно и отвлекает от дел. И лучше блоху убить.

– Верное замечание.

- Ты знаешь, кто командовал греками-наемниками у Дария?

- Мемнон.

- Верно. И воинство свое он готовил хорошо. Да ты сам видел. Дважды против армии Александра греки Мемнона выступали и держались крепко.

- Видят боги - святая правда.

- Ныне он находится далеко в наших тылах. Набирает воинов, делает набеги на города, взятые Александром на меч, убивает правителей, грабит обозы. Наши обозы!

Фотис поднял палец вверх, чтобы Алексей прочувствовал важность момента. Да ему и так понятно. Когда в своих тылах рыщет крупная вражеская группировка, это опасно. В любой момент, зачастую самый напряженный, могут ударить в спину, поднять панику и в конечном итоге повлиять на исход боя. Вполне естественно, что Александр как опытный полководец решил расправиться с Мемноном и его греками. Да, он наемник, как и все его воинство. Но воюет за Дария честно, с поля боя не убегал, что делали даже персидские воины и военачальники, покрывая себя позором.

И Алексей предположил, что лох Фотиса направят на разгром Мемнона, что было бы вполне логично. Но дальнейшие слова Фотиса повергли Алексея в шок.

- Ты молчишь и внимаешь, и это правильно. Тебе оказана великая честь, в немалой степени как знатному кулачному бойцу. Царь повелевает тебе убить Мемнона.

- Как?

Алексей даже вскочил с лавки. Идти на Мемнона своей дюжиной? Да у него половина новобранцев, толком не умеющих владеть мечом. Да даже если бы в дюжине были отборные и опытные воины, что они могут против Мемнона?

- А это решать тебе. Исполнишь волю правителя - получишь повышение и почет. Не сможешь - значит, слаб, переоценили тебя.

– Подожди, Фотис. Голова кругом идет. Я понял, что должен идти к Мемнону один и убить его?

– Правильно понял!

Алексей сидел, молча переваривал. Уж лучше, в самом деле, уйти, причем в Карфаген, и служить там. Даже через море перебираться не придется. Далекое, но реально.

– А сколько у Мемнона воинов?

Во рту у Алексея пересохло, и он сделал пару глотков разбавленного вина.

– Кто знает точно? Лазутчики говорят о пяти сотнях. Кто-то о тысяче.

Алексей соображал: сведения устаревшие, потому как доходят долго. И сейчас у Мемнона под рукой могут быть тысячи. Греки из многих провинций бывших владений Дария охотно нанимаются к Мемнону. И тому были причины.

Александр, окрепнув и собрав армию, вторгся на территорию греческих полисов. Греки не смогли объединиться, дать отпор, каждый город сражался за себя. Единого греческого государства не было, и это послужило причиной поражения. Греков притесняли не сильно, но, как и любой народ, эллины хотели свободы, самоопределения. Для греков Александр и его армия – захватчики.

Мемнон родился на острове Родос, вместе со старшим братом служил наемником у персидского сатрапа Фригии Артабаза. Старший брат Ментор довольно быстро стал военачальником. Однако Восток – дело тонкое. Как постоянно бурлящий котел. Заговоры среди знати, подкупы, отравления. В 362–360 годах до н. э. несколько сатрапов Малой Азии подняли мятеж против царя персов Артаксеркса III. Царь оказался сильнее, восстание подавил, начались казни. Артабаз бежал в Македонию, за ним последовал Ментор с братом Мемноном. Ментор через посредников смог договориться с Артаксерксом и, собрав наемников, захватил для царя Египет.

В 342 году он выпросил у Артаксеркса прощение для Артабаза и Мемнона, помог им вернуться в Азию. В изгнании Ментор женился на дочери Артабаза, прекрасной Барсине. Получалось, Ментор помогал тестю. Но вскоре Ментор

умер, Мемнон женился на его вдове. И Артабаз назначил его начальником всех греческих наемников своей провинции.

В 336 году до н. э. в Малую Азию вторгся Александр. Перед битвой на реке Граник царь Дарий собрал совет, и Мемнон предложил уклониться от боя, действовать хитрее. Всем жителям уйти, угоняя скот, все постройки сжечь, а колодцы завалить трупами шакалов и собак. Армия Александра оказалась бы в затруднительном положении. Если запаса провизии в виде сухарей и сушеного мяса на несколько дней хватило бы, то без воды марш войска невозможен. Лошадям и людям требовались огромные количества воды, подвезти которые немислимо. Царь Дарий разумное предложение Мемнона отклонил, но грека приметил, а после поражения под Граником назначил главнокомандующим над всеми греческими наемниками Персии. Но поражения преследовали Дария, империя его съеживалась, как шагреновая кожа. И с каждым поражением персы все менее верили своему царю.

- Боги отвернулись от Дария! - говорили они.

Александр со своим войском уже достаточно отдалился от Средиземного моря, от Македонии. И в этом была уязвимость. Мемнон как военачальник опытный, хитрый увидел эту слабость, сделал ставку на войну с Александром в его тылу. Не давать Александру получать подкрепления, которые высылались с кораблей, - это было вполне по силам Мемнону. А еще уничтожать ставленников Александра, поставленных македонцем в захваченных городах. Обязанность ставленника - собирать налоги, поставлять армии Александра продовольствие, обеспечивать порядок в глубоких тылах.

Мемнон нашел уязвимое место и действовал активно: набирал в свое войско добровольцев из местных греков, персов, обучал по греческому образцу, исправно платил, а потому нехватки в новобранцах не испытывал и легко брал один город за другим. Города небольшие, но их число уже перевалило за десяток, и это начало ощущаться в снижении поставок продовольствия и налогов.

Мемнон захватил Галикарнас[5 - Ныне на месте городских развалин находится турецкий город-курорт Бодрум.], довольно крупный город, начал усиливать флот персов в Эгейском море, что создавало угрозу подвоза подкреплений из Македонии и Греции. В боях армия Александра теряла воинов, и подкрепления были крайне необходимы. Мемнон лелеял план поднять восстание в греческих

городах, и это было возможно. Вместо себя Александр оставил регентом Антипатра, люто ненавидимого греками за жестокость.

Александр, уверовав в свой полководческий гений и армию, допускал ошибки. Сочтя флот исполнившим задачу по переправке армии, он за ненадобностью фактически его распустил. Мемнон рассчитывал использовать эту оплошность царя.

Александр, не в полной мере осознавая угрозу со стороны Мемнона – ну, не разворачивать же против родосского грека всю армию, – решил действовать мерами простыми, не требующими затрат и больших усилий: подослать наемных убийц. Понятно, что к Мемнону близко не подступиться, у него телохранители. Но если втереться в доверие, войти в ближнее окружение, то вполне возможно осуществить коварный план. Для этих целей как нельзя лучше подходили греки из армии Александра: один народ, один язык, одни привычки. Психологически соплеменник всегда ближе, чем иноверец.

Алексей, услышав от Фотиса задание, сразу мысленно все просчитал и понял: фактически его посылали на заклание. Если удачно выполнит задуманное и вернется, получит от царя пару золотых монет или должность управителя какой-нибудь небольшой деревушки. А если после покушения схватят да после жестоких пыток казнят – невелика потеря, всего лишь грек-наемник из гоплитов. Александр, одерживая победу за победой, все менее ценил людей, даже своих друзей, и все более склонялся к мысли, что он избран богами и уже совсем скоро вполне может стать равным им.

Фотис понял, что Алексей уяснил суть задания, вручил ему десяток медных монет.

– Оружие не бери, смени тунику и сандалии на ветхие, так ты сойдешь за бедняка. А еще вот.

И Фотис положил на стол медный потертый перстень.

– Зачем он мне? – удивился Алексей.

– Перстень имеет тайник. Смотри.

Фотис надавил на утолщение, откинулась крышечка. Алексей увидел внутри маленького углубления серо-зеленый порошок.

– Это цикута. Очень сильный яд. Если не сможешь действовать кинжалом, но будешь на пиру, подсыпь порошок в питье – воду, вино. Принявший его быстро умрет. Если удастся подсыпать яд, сразу уходи.

Алексею слышать такое было дико. Убить врага в бою – это почетно. Стало быть, ты сильнее, опытнее, лучше владеешь оружием. А убить ядом, тайно и коварно, – как-то подло, не по-мужски. Много веков спустя так будут действовать в Венеции члены семейства Борджиа. А еще существовало племя наемных убийц – ассасинов. И его ставили с ними на один уровень.

Однако Алексей вида не подал, что предложение его покорило в душе. Для Александра важно, чтобы Мемнон был убит, а каким способом, его не интересовало. Мемнон мешал Александру собирать налоги. Деньги македонцу были нужны: собирая армию для похода, он занял огромную сумму. Содержание армии в походе тоже требовало денег. Достаточно знать, сколько денег налогами собрал Дарий с провинций через своих сатрапов. С Сирии – триста пятьдесят талантов серебра в год, с Египта и Ливии – семьсот талантов серебра в год и сто двадцать бушелей зерна, с Вавилона и Ассирии – одну тысячу талантов серебра в год и пять сотен слуг-евнухов для службы в гаремах. Арабы Иордании платили тысячу талантов тимьяна[6 - Специя.], Киликия – пятьсот талантов серебра и триста шестьдесят белых коней, за каждый день в году. Армения – четыреста талантов серебра, но больше всех Индия – триста шестьдесят талантов золотом. В правление Дария талант в переводе на современные меры веса имел золотом 25,2 кг, а серебром – 33,6 кг. Талант в Македонии весил 25,9 кг серебром. Деньги огромные, ибо на пару обол, мелких медных монет, семье можно было прожить день.

Правителям, чтобы удержать власть, всегда нужны деньги, много денег – содержать армию, чиновников.

Александр при всей удачливости в боях с персидской армией так и не смог пленить Дария. После битвы при Иссе персидский царь скрывался в своей летней резиденции в городе Экбатане[7 - Ныне город Хамадан в Иране.]. Предвидя поражение от Александра, Дарий распорядился свозить из провинций, еще не захваченных Искандером, золото и серебро, драгоценные камни. Сатрапы доставляли ценности целыми обозами. Серебро – в плетеных корзинах,

а золотые монеты, называемые дариками, – в кожаных мешках. Царь сам долго выбирал тайник, объезжая с личной охраной окрестности города верхом на лошади, причем в простой одежде, чтобы не привлекать внимания. Ценности спрятал, тщательно замаскировав пещеру в горах. Рабов, перевозивших груз на арбах, перетаскивавших груз в тайник, казнили. А на обратном пути убили и надсмотрщиков. Теперь о тайнике знал только сам Дарий. После его смерти многие правители пытались отыскать золото и серебро Ахеменидов. Сначала сам Искандер Зулькарнайн, потом римский полководец Красс, затем Юлий Цезарь, Марк Антоний, император Нерон... да всех не перечесть. Однако найти реально существовавшую казну Ахеменидов не удалось никому. Велика была персидская империя – от реки Инд на востоке до берегов Эгейского моря на западе, от первого порога Нила на юге до Закавказья на севере. И укромных мест, даже недалеко от Экбатаны, много.

Кое-что, буквально отрывочные сведения, Алексей из истории знал. Но деньги в данный момент его не интересовали.

Размышлял: рисковать, пытаюсь убить Мемнона, или просто уйти из армии Александра и наняться к карфагенянам. Он сомневался, что, выполнив задание и убив греческого полководца, он останется в живых. Риск очень, очень велик. И отказаться невозможно – значит не оправдать доверия Александра. Серьезная дилемма: убить и сразу быть убитым или дезертировать?

Оружие, меч, щиты, а также кожаный мешок с трофеями оставил на Крису, строго наказав ему:

– Можешь на пропитание брать из мешка по монете, пока меня не будет. Возьми палочку и каждый день делай зарубки. Вернусь – посчитаю. Сохранишь все в целости – я подумаю, как освободить тебя. Можешь в войско вступить, а захочешь – вернешься домой.

– Все исполню, господин!

Крис запросто мог сбежать, прихватив мешок с ценностями. Но на перекрестках дорог заставы, изловят быстро.

А сам Алексей утром надел ветхую тунику и стоптанные сандалии. Оружия при себе не было, как и наказывал Фотис. Он же вчера вручил Алексею маленький

клочок шерстяной ткани пурпурного цвета. Такого цвета плащ был у Александра. Цвет редкий, поскольку краска дорогая и позволить себе вещи такой окраски могли только правители царств. Клочок служил своего рода опознавательным знаком «я свой», пропуском. Покидал Алексей лагерь с тяжелым сердцем. Задание опасное, удастся ли выжить и вернуться? Да и путь предстоял неблизкий, к тому же пешком. Для пропитания всего несколько монет взял. По облику – он почти нищий, откуда у такого деньги?

Глава 3

Гибель Мемнона

Далеко за полдень на перекрестке дорог первая застава. От нечего делать воины играли в кости. Один встал с земли, окликнул Алексея:

– Эй, ты! Оборванец, я к тебе обращаюсь! Куда идешь?

Алексей молча достал из-за пояса клочок ткани.

– Проходи!

Уже уважительно. Шел размеренно, не торопясь. В придорожной харчевне съел еще теплую лепешку. Вот и весь обед. Если поест от пуза, деньги быстро закончатся. Вечером подрядился сторожить арбу с дынями, которую доставил на базар перс из местных. Алексей одну небольшую дыню съел вместо ужина. Так и передвигался. На четвертый день стал расспрашивать прохожих, как пройти к Галикарнасу. Именно этот город выбрал своей временной столицей Мемнон. У Алексея ни карты, ни компаса, ни навигатора, а на дорогах и перекрестках никаких указателей нет. Но не зря поговорка родилась: «Язык до Киева доведет». Мир не без добрых людей, подсказывали.

Жарко и пыльно, особенно если на полном ходу проезжал мимо всадник. Купался в речках, смывая грязь. Занятно: жара под сорок, а вода в реках холодная, потому как с гор течет, ледники тают.

И все же почти через три недели утомительного пути добрался. Вблизи осмотрел глинобитные стены. Высохшая на солнце глина, смешанная с соломой и ветками, на жаре превратилась практически в камень. Сделать пробоину можно только камнями баллист. Но уйдет на это не один день. Все увиденное Алексей оценивал с точки зрения воина.

– Стой! Куда идешь?

– В войско Мемнона наниматься.

– Его в городе сейчас нет. Но воинов принимают на службу. Да ты разве что-нибудь умеешь?

Это стражник по одежде Алексея судит.

Тем не менее махнул рукой:

– Иди за ворота и направо. Там увидишь.

И в самом деле Алексей увидел на утопанной площадке упражняющихся на деревянных мечах воинов самого разного возраста. Причем манера боя на деревянных палках, изображающих мечи, явно греческая.

У персидских пехотинцев короткие копья и сабли, манера боя совсем другая. Алексей постоял, посмотрел, потом подошел к главному. Он отдавал указания, ходил между сражающимися парами. На лице и руках старые шрамы. Значит, бывал в битвах и вышел победителем, иначе здесь не стоял бы.

– Добрый день, да благословят тебя боги, – обратился Алексей. – Хочу вступить в войско.

– А ты хоть знаешь, с какой стороны меч держат?

– Я несколько месяцев был гоплитом у Александра, – сделал вид, что обижен, Алексей.

– Да? – удивился старый воин. – Посмотрим. Селевк! Подойди!

К воину подошел молодой парень, туника мокрая от пота, в руке деревянная палка.

– Слушаю тебя, Каллимах!

Вот что интересно в греческих именах, все имеют свое значение. Например, Селевк – «потрясающий», Каллимах – «добросражающийся», а Мемнон – «памятливый».

– Проведи бой с этим парнем. Говорит, был гоплитом в македонском войске.

– Прямо сейчас?

Видимо, для Каллимаха было целью не столько посмотреть уровень владения мечом Алексеем, сколько узнать, чему и как учат у греческих наемников в войске Зулькарнайна.

Алексею дали деревянную палку. Проводившие учебные сражения воины сразу бросили упражнения, образовали круг. Алексею выиграть бой нежелательно: за несколько месяцев в войске Александра мастерство не приобретешь. Но и мальчиком для битья быть не хотелось. Потом долго помнить будут и усмехаться за спиной.

– Готовы? Начали! – махнул рукой Каллимах.

Самое простое решение – валять дурака. Не пропустить ни одного удара, но сделать это так, чтобы со стороны казалось – случайность.

Вышло нелепо, даже смешно. Если сначала у окружающих было любопытство, то потом раздалась смешки. Алексей парировал удары, делано спотыкался, уходя от выпадов Селевка. Противник его старался, начал уже злиться. Минута проходила за минутой, а ни один удар Селевка не достиг цели, все уколы попадали в пустоту.

Каллимах досадливо кряхтел. Получалось, что Алексей, выглядевший как неумеха и нищий, оказывался более ловким, хотя Каллимах профессионального владения мечом у Алексея не увидел. Скорее всего, сегодня боги благосклонны к

новичку. И все же из добровольца может получиться толк. Ловок, вынослив, не обделен силой, быстр.

Алексей в подтверждение его мыслей пригнулся под палкой и толкнул противника. Селевк, потеряв равновесие, упал. Окружавшие воины захохотали. Селевк поднялся красный от стыда и возмущения.

- Вы видели - он толкнул меня! Не по правилам!

Каллимах поморщился. В бою у воина одно правило: убей противника и останься в живых. А как ты это сделаешь - дело десятое. Он махнул рукой, прервав поединок.

- Илларион! Принимай новобранца. Одень, как подобает, подбери оружие. Он будет в твоей дюжине.

Все повторялось, как при приеме в лох Фотиса. Да и не должно быть по-другому. Один народ, одна вера, один язык, одинаковое оружие и выучка, даже предпочтения в еде.

Но и разница была, причем конкретная для Галикарнаса. Город был взят Александром на меч, частично разрушен. До полудня воины занимались воинскими упражнениями, после обеда помогали горожанам ремонтировать стены, заделывая прорехи от камней, выпущенных баллистами. Одновременно и укрепление стен, и укрепление мышц воинов. Кроме того, совместная работа сплачивает. Но в Галикарнасе находилась лишь малая часть воинства Мемнона, в основном новобранцы. С опытными воинами Мемнон осуществлял пешие походы по провинциям, захватывая малые города, убивая тиранов[8 - Тиран - название должности, управителя города. Самой провинцией правил сатрап, и провинция называлась сатрапией.]. Мемнон почти очистил Карию, сатрапию на средиземноморском побережье Малой Азии. Когда Македонский в 334 году осадил Галикарнас, именно Мемнон упорно оборонял город и сумел с частью гарнизона спастись, эвакуировавшись кораблями на остров Кос. После ухода армии Александра Мемнон вернулся, но былую славу и богатство городу вернуть не смог.

День проходил за днем, Алексей тренировался, но еще ни разу не видел Мемнона. Поговаривали: то он на родном острове Родос, то с войском

направился в Мидию. Сведения, доходившие до Галикарнаса, были уже устаревшими. Мемнон на самом деле был и в Мидии, и в Лидии, где захватил несколько городов, а еще перебил охрану и взял трофеем обоз с оружием из Македонии. В боях оружие ломалось, утрачивалось, падало в воду. Пользоваться персидским не пристало. Под тактику и оружие соответствующее кузнецы ковали. Разными были щиты, копья, у греков – мечи, а у персов – сабли. Если перевооружать, то сразу весь лох или фалангу, да переучивать манеру боя. Никто из полководцев на это не пойдет, да и зачем? Раз перса бьем, значит, наше оружие и тактика лучше, зачем перенимать что-то у побежденного врага? Единственное, к чему приглядывался Александр, так это боевые колесницы и боевые слоны. Вот только где взять слонов? Искандер надеялся на поход в Индию, говорили, там слонов полно и они выполняют тяжелую работу, руководимые погонщиками. Опьяненный победами, не подозревал он, что в собственной армии зреет недовольство. Допрежь ни один поход не длился так долго, воины находились на чужбине пять лет. Выросли дети, постарели жены, умерли родители. А ведь еще предстоит идти назад, в Грецию и Македонию, и путь займет не один месяц даже при благоприятных условиях, которых никто не обещал.

И все же через два месяца Мемнон появился. С утра в воинском стане поднялась суматоха, потом объявили построение. В лагере немногим более трехсот человек, встали в три ряда. Алексей посмотрел влево-вправо. Ряды стоят ровно, одинаковые туники, от шлемов, щитов, ножен мечей отражаются солнечные зайчики. Вид бравый, воинственный, кабы не знать, что новички, не испытаны в боях. Значительная их часть поляжет в первом же бою. Уцелеют самые ловкие, имеющие хоть небольшой опыт службы. Справа показалась небольшая группа. По рядам зашелестело:

– Мемнон!

Военачальник коренаст, широкоплеч, на левом плече старый шрам от удара мечом. Лицо жесткое, короткая бородка. За Мемноном шли три человека при оружии. То ли военачальники рангом пониже, то ли телохранители. На Мемноне и сопровождающих его воинах одежда простая; если не знать, кто он, можно принять за рядового ветерана.

Напротив середины строя Мемнон остановился, повернулся лицом, поприветствовал:

– Рад видеть вас в рядах моей армии, сыны Эллады!

Воины выхватили мечи из ножен, стали бить ими по щитам. Мемнон вскинул руку, грохот стих, потом утих и шелест – это воины вернули мечи в ножны.

– Стойте в боях крепко, как подобает воину, и мы разобьем войско Александра-завоевателя!

Воины восторженно завопили, шум поднялся невероятный, с городских стен сорвались птицы, стали кружить в тревоге. Мемнон со свитой проследовал в дом, воинов распустили, они принялись за завтрак. Среди них сразу разговоры пошли.

– Мемнон приехал, кончилась наша учеба. Клянусь всеми богами, на днях покинем Галикарнас.

– Знать бы еще, куда направимся!

– А тебе, Лефтерос, не все равно?

Нервный смешок. Жизнь наемника может оборваться в любой момент. Встретится сильный отряд из войска Александра, и полетят головы с плеч. Новобранцы, кто в боях не был, нервничали, но не подавали вида. Чтобы успокоиться, кто-то точил меч, другие доводили до зеркального блеска шлем, натирая его влажным песком. Третьи и вовсе уселись в кружок и играли в кости.

Прошли сутки, другие, а похода не предвиделось. Не выла труба, объявляя сбор. На третий день в порт стали прибывать корабли – как биремы, так и купеческие, пузатые, которые могли взять на борт значительный груз.

Алексей подумал: предвидится переброска войска. Только куда? В любой сатрапии есть войска Александра. И возжелай Мемнон сразиться, помериться силами, никуда плыть не надо. Греческая пехота, будь она под командованием Мемнона или Александра, к морскому бою не приучена. На земле и в построении фалангой. Стало быть, простая перевозка. Подумалось: в Грецию, оттуда в Македонию. Александра известят гонцы о грозящей родине опасности. Что должен предпринять в такой ситуации военачальник? Броситься на выручку

отчизне. И в первую очередь самыми мобильными силами – конницей. Но Мемнон рискует. Если Александр подоспеет быстро, грекам против гетайров не устоять. Мемнон не дурак, чтобы так рисковать.

Но уже следующим днем началась погрузка. Когда посадка завершилась, корабли отплыли на север от Галикарнаса. Наемники сразу сделали те же выводы, что и Алексей: плывут в Грецию. Ошиблись все – корабли пристали к берегу острова Лесбос. Легенд с островом было связано много, в первую очередь с однополый любовью женщин. Конечно, остров занимал выгодное стратегическое положение, находясь недалеко от пролива Дарданеллы. С острова можно контролировать перевозки из Македонии и Греции через Фракию в Азию. Нечто хитрое замыслил Мемнон. Воины строили разные предположения, но даже начальники лохов не знали планов полководца. Для Александра в данное время Мемнон – самый серьезный противник. Дарий занят сбором ценностей и их укрытием, и персидское войско его давно не видело. Да и не было целостной армии, лишь ее остатки, разбросанные по разным сатрапиям. И, пожалуй, Мемнон единственный из крупных военачальников, который не смирился, не сложил оружия, не приполз к Александру просить пощады. Они были знакомы лично, когда Мемнон укрывался в Македонии, сопровождая Артабазу. Правда, тогда Александр еще был шестнадцатилетним подростком.

Войско высаживалось на берег, обустроивало временный лагерь. Некоторые, кто бывал на острове, говорили: за холмами город Митилена. И предполагали, что Мемнон поведет их на штурм. Город укреплен, и были сомнения, что его удастся взять с ходу. Воины склонялись к мысли, что предстоит длительная осада. Ибо другие гарнизоны в городах Лесбоса слабы, да и городов всего три, кроме самого крупного – Митилены. Это Арисба, Эрес и Мефимна. К тому же они далеко от Митилены. И помощи Митилене ждать не стоит. Доплыть на кораблях, обогнув остров, получится быстрее, но у жителей остались только лодки.

Часть кораблей была уже у Мемнона, другие успели уйти в материковую Грецию. У Мемнона ни баллист, ни катапульт, ни даже лестниц для штурма. И лучников мало, а они большое подспорье при штурме.

Переночевали. Ужинали и завтракали всухомятку – финики, оливки, вино.

А после завтрака – команда строиться и марш по узкой каменистой дороге, где изодрать сандалии – пара пустяков. А без обуви остаться – значит сбить ноги в кровь, стать небоеспособным.

Час-полтора хода – и впереди показались городские стены Митилены. Видимо, жители уже были извещены о грозящей опасности. Городские ворота закрыты, на стенах маячат дозорные. Завидев приближающееся войско, разожгли костры, в которые специально подбрасывали тряпье. Вверх стали подниматься дымы, извещая жителей деревень и ближайшего города Арисба о появлении неприятеля.

По приблизительным прикидкам Алексея, воинство Мемнона исчислялось семью сотнями гоплитов. Для небольшого городка вполне достаточно. Но и Мемнон, и другие военачальники недооценивали защитников города. Те полагали отсидеться за прочными стенами. Запасы провизии были, колодцы с водой в достатке. А главное – лазутчики успели отследить войско Мемнона и оповестили жителей города, что у Мемнона нет баллист.

Камнеметные машины могли проделать прореху в стене или разбить ворота, и тогда быть беде: горожане не смогут противостоять обученным воинам грека. В городке несколько тысяч жителей, у всех профессии мирные – рыбак, гончар, ткач, винодел, торговец. Городских стражников всего несколько человек, больше для порядка: усмирить перебравших не в меру приезжих купцов, задержать и всыпать плетей мелкому воришке. Такие события были редки, становились темой для разговоров на несколько недель. Хоть и невелик городишко, всего несколько тысяч жителей, да богат. Городок прибрежный, торговля с Фракией, Персией, Грецией процветала, остров почти на перекрестке торговых путей. Этим Мемнона и привлекла Митилена. Для любого полководца смысл не в самом бою, а в приобретениях. Воин рискует жизнью, получает крохи по сравнению с полководцем. Правда, иные полководцы, такие как Александр, тоже рискуют, сами берутся за оружие, сражаются в рядах своих войск. Полная ему противоположность – Дарий. Тот на битвы персов с противниками предпочитал смотреть издали, предпочтительно с возвышения, окруженный телохранителями. И в случае опасности тут же покидал поле боя, что демонстрировал не раз. Стойкости его армии это не способствовало.

Однако лазутчики Мемнона разузнали о городе не все. В запасниках городской стражи находился сифонофор, выбрасывающий струю «греческого огня». Недалеко, всего на три десятка метров, но жидкость по составу представляла собой прообраз напалма – загущенную нефть, называемую в те времена земляным маслом. Она горела на воде, ее невозможно было потушить огнем. Гасла сама, когда сгорала дотла. Греки применяли ее и на флоте, когда устанавливали на кораблях небольшие катапульты, мечущие во вражеские

корабли глиняные горшки с горящим «греческим огнем». При попадании по судну горшок разбивался, деревянное судно вспыхивало. Шансов спастись было мало, если только направить судно на мель или к берегу.

А еще на складе имелся «скорпион», фактически – большой лук на деревянном станке, который мог метать стрелы на большое расстояние, до двухсот метров. Причем стрелы с железным наконечником могли пробить щит и поразить гоплита за ним. Конечно, точность попадания была скверной, ибо прицельных приспособлений не было. Многие зависело от опыта воина, использующего «скорпион».

По знаку Мемнона воины пошли на штурм. Не все, половина. Другую часть Мемнон приберегал. Штурм подготовлен был плохо: ни баллист, ни штурмовых башен с перекидными мостками. Даже лестниц не было. Попытались с ходу тараном выбить ворота, но горожане с надвратной башни стали лить из котлов кипятки. Воины, получив ожоги, таран бросили и отбежали. Первый приступ сорвался. Пока лохаги и Мемнон совещались, горожане дружными усилиями втащили на городскую стену сифонофор, залили в его емкость «греческий огонь». Начали накачивать мехами воздух, готовясь использовать поистине дьявольское оружие.

Мемнон распорядился расставить вокруг города лучников. Самый быстрый способ связи в те времена – голубиная почта. К лапке голубя привязывали небольшой клочок бумаги с сообщением, скрученной в тонкую трубочку. И лучники были призваны голубей сбивать. Дело очень непростое даже для опытного стрелка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дарий в переводе с фарси – «Добронравный».

2

Охатр, по другим версиям – младший брат Дария III.

3

Фила – объединение нескольких лохов в греческой армии, по численности – от двух до четырех тысяч гоплитов.

4

Современный Искендерун в Турции.

5

Ныне на месте городских развалин находится турецкий город-курорт Бодрум.

6

Специя.

7

Ныне город Хамадан в Иране.

8

Тиран – название должности, управителя города. Самой провинцией правил сатрап, и провинция называлась сатрапией.

Купить: https://tellnovel.me/korchevskiy_yuriy/dvurogiy-popadanec-k-aleksandru-makedonskomu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)